

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

8 1963

СМЕНА

ТОВАРИЩИ ЛЕНИН! ВАМ ДОКЛАДЫВАЕМ...

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
я
и Ленин —
фотографией
на белой стене...

...Капитальные стены надежно поглощают вибрацию станков, тяжелое уханье парового молота по раскаленной болванке, тонкий свист, с которым входит резец в сталь заготовки, бешено раскрученной мотором. В красный уголок эти звуки не проникают.

В этой комнате сегодня собрался комсомольцы Коломенского теплоэлектростроительного завода. Собрались для большого разговора. Рядом на белой стене — портрет Ленина.

Нет трибуны, нет графина на зеленом сукне, нет восседающего на возвышении президента... Невольно вспоминается скромная комнатка в Кремле, стулья, в беспорядке составленные у большого стола, два десятка ребят — безусых, взволнованных, испуганных в руках облезлые трухи и островерхие буденовки.

Ленин спрашивал их:
— Как участвует фабрично-заводская молодежь в повышении производительности труда? Любит ли трудиться? О чем спорит? Как отдыхает? Есть ли керосни в избах-читальнях? Как помогаете чекистам? Какие песни поете!..

Тогда, в 1918-м, на ленинские вопросы отвечал делегатом I съезда комсомола. Сегодня, через сорок пять лет, на них отвечают комсомольцы-теплоэлектростроители, собравшиеся в своем красном уголке.

Есть Виктор Алабушев, член бригады коммунистического труда Виктора Былкина. В голосе — волнение. Наверно, такое же, какое было у того парня, что рассказывал некогда Ленину о делах своей фабрики.

— Что мы сделали? Немало, и все-таки мало. В прошлом году наша бригада дала пятнадцать рационализаторских предложений. Экономический эффект — 1 600 рублей. Это почти столько же, сколько заплачено за васы ускорит. Но все-таки не все возможности использованы.

Алабушев говорит глуховатым голосом, тщательно подбирая слова. Слова, кажется, обычные. Но складываются они в большой и интересный рассказ о том, что скрывается за цифрой —

СЕМНАДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ

Когда, рассказывая о делах своих товарищей, Виктор Алабушев упомянул, что он пришел в бригаду три года назад, Юрий Синицын, молодой рабочий из бригады Виктора Былкина, удивился:

- Неужели мы уже третий год вместе!
- Считай. Пришли когда? В шестидесятом.
- Смотрим-ка... Летит же время!

Тогда, в шестидесятом, их было в бригаде семеро. Семеро сборщиков, завоевавших звание Бригады коммунистического труда.

Семеро счастливых и... недовольных. Потому что три года назад в тринадцатом пролете многого было совсем по-другому.

Каждый раз, когда тяжелые электроарканы увозили со стандов собранные бригадой штатно-поршневые узлы, Виктор Былкин с тоской

Владимир Ильич Ленин на Красной площади приветствует трудящихся столицы — участников демонстрации, посвященной первой годовщине Великого Октября.

Снимок публикуется впервые.

Пятеро из бригады сборщиков — Анатолий Батов, Михаил Казарский, Юрий Синицын, Виктор Былкин, Виктор Алабушев.

думал о том, что все равно на сегодня-завтра их разберут до последнего болтика.

— Пропадая работа, пропадая...

Электромеханики таскали узлы дизелистам, и вот тогда-то вступал в действие Бог знает кем установленный порядок, который нагонял тоску не только на Былкина... Все узлы действительно разбирались «до болтика контролерами. Они тщательно проверяли каждый размер, с точностью до грамма взвешивали шатуны и поршни... А потом, убедившись, что все, как положено, собирали машину вторично.

— Что это за порядок, если труд бригады летит на ветер? Зачем этот дубак? — возмущался Былкин.

Некоторые пожимали плечами или махали рукой. Стоит ли, дескать, затевать разговор...

— Ну, брат, хватай ты, однако, — добродушно посмеивались другие. — Так уж все и на ветер?

— Да хоть часть, хоть капля — и каплю жалко.

Третий вступал в спор:

— Без проверки нельзя.

...В пятом году семилетки Коломенский завод выпустит 2 500 картофелеборочных комбайнов — на 500 машин больше, чем в 1962 году. Увеличится выпуск вакуум-насосов для дизельных установок типа «челочка». Больших партий картофелеборочных комбайнов будет собрана по заказам зарубежных стран.

— Значит, не верят бригаде! Тогда пусть проверяют у нас в пролете, при сборе машины. И разбирать ничего не придется.

Такие разговоры возникли не раз. Их затевали не только в тринадцатом пролете теплового-механического цеха, где работал Былкин, но и в цехах сборки дизелей и среди технологов.

Начальство расценивалось долго. А потом сказал: «Позвоним бригаде. Передадим ей окончательную сборку. Только пусть работают на совесть».

Былкин торжествовал: вот теперь порядок. Радовало его и пополнение: в бригаду вошли пятеро тех самых рабочих, которые раньше контролировали качество сборки.

Новички «вросли» в бригаду удивительно быстро. Да и какие это были новички! Не с улицы же привели их на завод... Бригаду Виктора Былкина они знали хорошо (как, впрочем, знали ее почти все на заводе), часто встречались со сборщиками и на их участках и в финальном. К тому же их работа с самых первых дней приняла особое направление.

— Это что же за работа на совесть?! — сказал как-то раз Виктор Алабушев и кинул в сторону стелды. — Вам посмотрите, как подобрали детали... Надо менять. Нет, работать на совесть у сборщиков должно означать: добротно, точно.

В бригаде могли рассуждать так: пришли, мол, умельцы, ну и пусть себе занимаются окончательной сборкой... Тогда новичкам не оставалось бы ничего другого, как повысить задернуть носы. Но бригада рассудила иначе:

— Будем учиться точности!

Каждый «новичок» взял шефство над одним-двумя рабочими и требовал четкости, аккуратности, чистоты. Вроде номер один была обязана небрежностью в работе: ошибка в долю миллиметра могла привести к непоравимому браку... Еще внимательней, чем прежде, рабочие стали выполнять каждую операцию: будь то обжимка вилы-дешей или замеры блока.

Прошло немного времени, и любой сборщик мог смело заявить, что он гарантирует только отличное качество сборки! Вопрос о рабочей чести поднялся не раз. Поводы были разные, и ни один из них, даже самый малый, старались не оставлять без внимания.

Однажды на очередной десятиминутке Вячеслав Купранов сказал: — Можем ли мы терпеть потери времени? Это тоже дело нашей рабочей совести.

Десятиминутки проводились ежедневно, на стыке двух смен, при помощи сбора всей бригады. Говорили о самом главном, коротко, не позволяя никому «втянуть резину». Поэтому кто-то бросил:

— Что ты имевшь в виду?

— Разряд в бригаде у всех одинаковый, значит, и отдача должна

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

8 АПРЕЛЬ 1963

Гол. издателя сорганизов

Разговор идет о сегодняшнем дне, но невольно напрашиваются параллели, немаловажно хочется сравнить нынешнюю жизнь тепловозостроителей с далеким 1918-м... Не об этом ли думают сейчас старый коммунист П. С. Борунов и пенсионер А. И. Иванов, заводские сторожкам, которых пригласил комсомольцем в свой красный уголок? Наверное, об этом. Они видят, как выходит на линию мощные локомотивы, и вспоминают первые брошенные, сварженные коломентами, первый трактор, собранный на заводе. Они видят вузовские ромбика на пиджаках и куртках ребят и вспоминают первое занятие группы ликбеза в промерзлой комнате, при тусклом свете лампы... Вузовские ромбика! Они не сразу, но вдруг пришли на завод. Их и сейчас много здесь, а скоро будет еще больше. Будет! Потому что сегодня весь

ЗАВОД — ЗА ПАРТЮ

Владимир Ильич Ленин не устал повторять, как важна для рабочего человека могучая сила знаний; стремление к знаниям никогда не угасало в рабочем. Но лишь социализм широко распахнул перед ним двери школ и вузов, училищ и академий...

Этот смысл сделан в вечернем институте Колосовского тепловозостроительного завода. Студенты-работчие: сборщики, плавильщики, слесари, плотники, фрезеровщики — люди всех специальностей. Их сотни в аудиториях этого громадного учебного комбината.

Де революции примерно четверть рабочих завода была неграмотной. Многие имели лишь «домашнее образование» — знали алфавит да могли расплестись.

В первые же годы Советской власти в Колосово начали работать пункты ликбеза, технические профессиональные курсы. 10 января 1922 года открылась первая заводская школа ФЗУ — гордость комсомольской ячейки. 32 подростка sali за парты, а через два года их стало 600... Приспустили к занятиям учащиеся вечернего техникума. Это были первые шаги на пути к знаниям.

Сегодня на заводе большинство рабочих имеет высшее или среднее образование. В нынешнем году 168 рабочих закончили вечерний техникум, 165 — машиностроительный институт, 222 — школу рабочей молодежи.

В этом учебном году в аспирантуре учится 27 человек, в институте — 510, техникуме — 450, а школе рабочей молодежи — свыше 500, на подготовительных курсах в институт и техникум — около 300 рабочих и служащих завода.

Молодежь штурмует науку. Комсомольцы, молодые рабочие ни на одну минуту не забывают ленинские слова о великой силе знания.

быть равной», — сказал Купранов. — А получается, что один потеет у станка, а другой совершает воюк по заводу. Факт! Факт...

Сборщики молчали. Бригадир, нахмурившись, смотрел в глубины пролета, где за железными цифрами трепетали сиреневые вспышки сварки.

На лицах сборщиков можно было прочесть одно: ожидание. Каждый знал, кому надлежало держать ответ, и каждый ждал этого ответа.

— Купранов прав, — сказал бригадир. — И спасибо за критику. Поювод к такому разговору больше не дам. Ну, а теперь за дело. Вон сварщики давно уже просиивались...

Бригада разошлась по рабочим местам.

Да, удивительно быстро все-таки пронисится время! Неужели и в самом деле те пятеро пришли три года назад! Ребята слушали Алабушева, си говорили о жизни Бригады, о переменах...

Сколько же действительно перемен в самих рабочих и вюкору, на участке! Ребята просто не замечали их — это тоже нередко бывает с людьми, у которых куча дел, и надо спешить, и некогда оглянуться...

...В 1962 году на тепловозостроительном заводе было свыше 2 200 рационализаторов. Они внесли 3 698 предложений, из которых 1 669 уже внедрены в производство. Повсюду появились заводы сверхчир, 6 117 тонн черных и цветных металлов, 69,5 тонн топлива, 123 тысячи киловатт-часов электроэнергии, 171 тысячу нормо-часов рабочего времени. За четыре года семилетки рационализаторы и изобретатели сэкономили заводу 2 570 тысяч рублей!

Встречу в красном уголке трудно назвать собранием. Да это и не собрание вовсе. Это как бы разговор в пути, шптивнутый «случайный разговор» напряженного рабочего дня. И поэтому, очевидно, не слышно здесь пышных, цветистых фраз, часто прикрывающих пустоту, а идет конкретный, деловой разговор о том, что сделано, и о том, что еще нужно сделать: «Немало, и все-таки мало», «Нешлохо, и все-таки можно и лучше лучше...»

Молодежь отвечает Ленину... Молодежь рассказывает о том, как живут и работают бригады коммунистического труда, как создаются новые модели тепловозов и жартфелеуборочных комбайнов, как проходят учеба и отдых.

Царство тишины и книг... Библиотека Дворца культуры никогда не пустует. Ее посетители — тысячи любознательных рабочих.

Молодежь отвечает Ленину...

— О чем мы спорим! Да обо всем: обсуждаем последние новости, книги, спектакли, кино... Говорим о жизни...— рассказывает молодой инженер Кожухов.— Можно вспомнить немало интересных диспутов. Вот хотя бы один из последних: «Нам коммунизм строить, или в коммунизм жить». Кое-кому казалось, что тут не о чем спорить: вопрос ясен! А на деле вышло, что одного вечера для интересного разговора мало. Пришлось перенести. Говорили о многом: о работе, об ответственности каждого, о красивых словах и красивых делах...

...В армии разведчиков будущего — около 5 тысяч ударников, 45 участков и 147 бригад завоевали высокое звание коллективов коммунистического труда.

Нас иногда упрекают за то, что мы не любим громких слов, стонем как бы, чуть ли не стесняемся говорить о коммунизме. Нет, мы не стесняемся. Мы говорим и мечтаем о нем, Владимир Ильич!

Но молодежь не только говорит и мечтает — весь жар души, всю силу ума и мускулов отдает она великому строительству светлого коммунистического мира. И так везде: у станка, на воскреснике, в аудиториях заводского вуза, в рядах добровольных народных дружин.

Молодежь рассказывает о своих делах. Молодежь рапортует Ленину...

Секретарь комсомольской организации чугунолитейного цеха Морозов рассказывает о цеховой самостоятельности. Это — тоже важное дело. И библиотека — это очень важно. И кино. И концерты.

Многие говорили в тот день о своем свободном времени, о том, как проводит вечера заводская молодежь. И все эти разговоры неизменно сводились к Дворцу культуры, большому и радостному дому, который гостеприимно открывает навстречу молодежи все свои

СТО ДВЕРЕЙ

В этом доме — сто дверей, и все они распахнуты настежь. Здесь каждый может найти занятие по душе. Называется дом — Дворец культуры тепловозостроителей.

Первое, что встречает тебя, когда входишь в фойе дворца, — гул,

Пятиминутная пауза — и снова примутся за работу неутомимые музыканты...

Кому трубы, кому штанги... А эти «одержимые» ни на что не променяют свои мольберты!

будто поднимающийся из недр земли. Это в цокольном этаже занымаются «духовники». Там уходят барабаны, звенят тарелки, вздымают басы, выводят рудыды трубы. В цокольном редко бывает пусто: хоть ударник, а забредет туда на часок, чтоб убедиться, «крепка ль на Барабана кожа, мне притупились лия кленовые палочки... Там можно почти всегда застать «ваквистива» шумного царства — капелла-мэстера Алексея Ивановича Данилова, мудрого наставника трубной, а то и сына его, тоже «духовника», а если уж очень повезет — то и самого Данилова-деда, который еще не забыл, как извлекается из инструмента волшебный звук...

Дворец — храм искусства. Впрочем, не будем высокопарны — назовем его училищем искусств. Ведь, в сущности, от настоящего училища дворец отличается лишь тем, что все а нем делается на общественных началах.

Перед входом — сто дверей. Хочешь послушать концерт — перед тобой распахиваются двери огромного зала на восемьсот человек. Увлекаешься танцами — войди в гостеприимные двери хореографических классов, — их здесь несколько: води затейливые русские хоровады, крути пируэты.

Любишь петь — тебя ждут хормейстеры. Во дворце есть и хоры: академический, народный, мужской, детский, женский. Есть даже хор ветеранов. Солисты хоров не раз выступали и на столичных сценах. Это Саша Филиппов, рабочий модельного цеха, слесарь Валерий Ткачев, работница цеха ширпотреба Маша Фенькина. Их много, любимца коломанской молодежи!

Труднее всего попасть в агитбригаду, а этот боевой и веселый коллектив. Для этого нужно пройти все сто дверей. Ведь член бригады должен уметь и петь, и плясать, и дьявольничать, и играть на музыкальных инструментах. Агитбригада — это лютучий отряд, который выступает и во дворце и на заводе, который не только щедро раздает заряды бодрости, но и «отвешивает» ков-кому увесистые критические шлепки.

Большое всего хозяева дворца гордятся своими конкурсами — своеобразным соревнованием между цехами и отделами завода на лучшее прозвание тематических вечеров. Сколько выдумки в постановке, в

оформлении вечеров! Нередко конкурсы длятся месяцами, и жюри приходит в очтание: кому отдать пальму первенства, кому награждать почетной грамотой...

Каждый день сто дверей дворца распахнуты настежь. Входи, рабочий человек! Приобщаясь к искусству! Берн все, что дорого твоему сердцу!

«В 1923 году коломанцы выпустили первый советский трактор. Владимир Ильич Ленин, наблюдавший его работу, высоко оценил трубовую подвиг коломанцев.

Тод назад, осматривая новинки железнодорожной техники, руководители партии и правительства одобрили изготовление в первом советском газотурбовозе мощностью 3500 лошадиных сил, спланианном коллективом молодых конструкторов коломанского завода. Двигатель газотурбовоза втрое дешевле тепловозного дизеля, работает на сжигане дешевой топливной и новизны в условиях суровой зымы. Сейчас коломанцы готовят Родина новый подарок: газотурбовоз мощностью 6 тысяч лошадиных сил.

Бодный и радостный трудовой день грохочет на огромной территории завода. Горячий пульс кузницы гигантов-тепловозов чувствуется и здесь, в большой, светлой комнате красного угля, где сегодня собрались комсомолцы и их старшие товарищи.

— Мы, старики, умрем. Кому государство оставил Вам, молодым! В этих словах старого рабочего Александра Ивановича Иванова каждый

Зоя Нестерова — солистка заводского оркестра.

Сегодня в эту дверь вошли баскетболисты. Сто дверей во дворце, и ← одна из них вводит в спортзала.

Широко распахнуты двери танцевального зала...

Рабочая династия Дормидонтов: отец Василий Васильевич и сыновья Алексей и Василий.

самому вопросу: «Сильны ли вы? Умеете ли вы? Понимаете ли, какая великая ответственность ложится на вас, молодых хозяев страны?»

На этот вопрос молодежь дает четкий, уверенный ответ: — Да, мы сильные, мы умеем, мы понимаем... Ваше дело, товарищ старшина,

В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Он не заметил, когда появился в цехе этот парень в сером пальто и пыльной шапке. Прошел неторопливо, уверенно мимо работающих станков и остановился неподалеку от старенького «фриза». Им некогда было смотреть по сторонам. Напряженно и ровно гудел станок Дормидонтов-старший, угрюмый и насупленный, вглядываясь в деталь, стоял как много лет назад, на месте рсточника, оба его сына — младший, Алексей, технолог цеха, и старший, Василий, — внимательно и напряженно наблюдали за работой отца.

Наконец станок затих. Василий и Алексей одновременно потянулись снять деталь, но Дормидонтов-старший сердито хмыкнул:

— Ну-ка, не лезь поперек балки! — Сам ослабил крепление, долго и внимательно осматривал выточенное окно в проеме на оставшей гуглке и лишь потом кинул Алексею: — Теперь проверь, технолог.

Алексей вытерли окош, молча передал деталь и штангенциркуль Василию. И тот проверил размеры. Напряженье исчезло, на лицах блеснули улыбки.

— Ну, батя, выручил! Ай, выручил! — Алексей засмеялся, хлопнул отца по плечу. — Поуду обрадовать ребят, а то там ланка из-за этой чертовой гуглки.

— Иди-ка, обрядуй, — проворчал Василий Васильевич, стараясь казаться равнодушным. Но губы предательски расплылись в стороны, и, не выдержав, он улыбнулся той же широкой улыбкой, и все трое стали удивительно похожи друг на друга. Только серые от седина, взлохмаченные волосы и темная кожа на лицах Дормидонтова-отца говорили о том, что он старший.

— Ну, понял, в чем дело! — повернулся он к Василию, который все еще вертел в руках остывшую деталь.

— Бродя бы понял, — То-то же, а то я, я! Сам себе велосипед: все знаю, все умею!..

— Да брось, батя, это же у тебя тоже отнимает!..

— Ну-ну! — усмехнулся Василий Васильевич и, вытерев руки ветошкой, пошел по цеху. Молодые станочники ткнулись под придирчивым его взглядом, стараясь работать чётче, кожильные радостно отзывались на сдержанное приветствие, шутили:

— Каким ветром, Василий? Или повиси не хватает?

— Сыны призываи, неуважона у них вышла. Да и то, разве они работу зветот, как мы, к примеру...

— Это ты зря, они твою марку держат...

Оставшись один, Василий Дормидонтов-младший потянулся к заготовке, включил станок, мягко ввел резац в металл, в точности повторяя движения отца.

И тогда парень в пыльной шапке подошел ближе, через плечо Василия взглянул на деталь, спросил уверенно, не сомневаясь в ответе:

— Новый заказ?

Василий кинул.

— Не получается?

— Все получается... — пробормотал Василий, не отрывая глаз от заготовки.

Парень постоял, потом заговорил снова:

— Сколько получишь?

— Когда кля...

— А на круг?

— Сто двадцать — сто тридцать...

— Я думаю, можно и двести.

Василий оставил станок, повернулся, разглядывая парня. Тот стоял, руки в карманах пальто, покачиваясь с носков на платки, уверенный, спокойный.

— Когда мы будем работать на пару, то оставим так, кого нужно, выводить по двести, — задумчиво проговорила кляпиковая шапка.

— Так... А сто двадцать мало? — шуряя, спросил Василий.

Парень усмехнулся:

— Сто двадцать пусть девчонки на токарных получают. Рсточник — это князь. Мне моя рабочая гордость не велит получить меньше.

— Ты еще не оформился! — спросил Василий.

Парень помаялся разовым пропуском.

— Завыл взглянуть повечалу, что за люди, что за станок.

— Ну и как тебе станок?

— Станок как станок. Бывают и лучше...

— Мастер! — крикнул Василий в пролет. Когда тот подошел, Василий бросил: — Отдать ему пропуск.

— Давай, только быстро...

Парень недоумовалею протянул пропуск. Мастер расписался, поинтересовался торопливо:

— Как, устриваешься?

Ответил Василий:

— Нет, станок ему не нравятся.

Парень недоумоно повернулся к нему:

— Ты что, ошалел?

— Не понравится тебе этот станок, понял? Он, видишь ли, с норовом: равней не любит, близко не подпускает. Воспитан он так, станок этот, ясно?

Василий провел рукой по теплой станине и исподлобья, уже без усмешки, взглянул на кандидата в напарники. И тот понял: шутки не было и не будет. Усмехнулся презрительно:

— Что же, другие станки есть...

И пошел по пролету.

— Эй, дру! — окликнул его Василий. Тот обернулся. — Не трать времени, у нас тут все станки чистые руки любят. А выход он там, по другому сторону!

Он, прищурившись, глядел на парня, пока тот не скрылся в дверном пролете. Потом включил двигатель и, когда снова подошел Дормидонтов-старший, протянул ему штангенциркуль и новенькую втулку:

— Ну, ван!

— Добро! — поменялся, сказал Василий Васильевич. — Впрок, значит, пошла наука.

— Впрок, батя!

Двама часами позже они вышли из цеха в общем потоке смены, втроем — отец и два сына.

— На совместных испытаниях коломненского тепловоза «ТЭП-60», харьковского «ТЭ-1а» и французского электровоза лучшие ходовые качества показал «ТЭП-60». На отдельных участках пути локомотив развивал скорость до 193 километров в час.

В комнате красного потолка звенит молодые голоса. Им вторит могучий грохот завода, гудят тепловозы, выходящих из сборочного цеха, перестук колес поездов.

Молодежь говорит с Лениным.

Молодежь разогрет Ленину. Молодежь мерет свою жизнь светлой метой Ильича.

...Товарищ Ленин,
по фабрикам дымным,
по землям,
покрытым
и снегом
и живьем,
вашим,
товарищ,
думаем,
дышим,
сердцем
и именем
боремся
и живем!

Материал подготовили: Н. ВОРОБЬЕВА, сотрудник заводской газеты «Куйбышевцев», специальные корреспонденты «Смены» Г. ДУБИНСКИЙ (фото), В. ЛЕВАШОВ, Н. НЕПОМНЯЩИЙ.

В № 4 нашего журнала была опубликован материал, в котором рассказывалось о фильме «Комсомольцы», вышедшем на экран в феврале 1943 году. Редакция журнала нашла послы его героев. Сегодня мы расскажем вам о судьбе одного из участников фильма — ленинградца Виктора Алексеевича Петрова.

КОМСОМОЛЬЦЫ
1943 ГОДА

ПАРЕНЕК С «ЭЛЕКТРОЛЫ»

— А где сейчас Виктор Алексеевич? — Вместе с семьей он живет в Омске...

И вот мы сидим в омской квартире Петровых и рассматриваем старую фотографию. Трудно удержаться от улыбки, разглядывая мальчишку в большой, не по росту, спецовке, а забавной тобятее, который протягивает вахтеру заводской пропуск, а тот почтительно берет под козырек. И вдруг доходит высоченный и трагический смысл происходящего: Витя Петров идет на завод, чтобы в двух шагах от врага, осадившего Ленинград, почти на передовой, под непрерывным артиллерийским обстрелом изготовить грозное оружие фронта. И это не мальчишеские грезы о развее, о громких подвигах. Это труд, мажорный и обычный. Это подвиг!

На завод «Электросила» отец привел его еще в феврале 1942 года и сам учил тонкорукому делу. А в сорочку третьем Виктор заменил отца.

— Тогда и слезинки не проронила. Таного уже понасмотрелся... Маленький старичок записи. Маленькая старичок Двадцать лет прошло с той поры, а годы назови сейчас старичком этого иртышца Нет, только не убий в нем юности, не угасай юношескую ярость и романтику. Отец мечтал, чтобы сын стал отличным рабочим. Он был бы доволен. В шестьдесят лет Витя считался уже топарем высшего класса. Его дадут мастером на участие поставкам.

В 1947 году семнадцатилетний Виктор ушел в армию. Военное училище в Москве, служба в Омске. Здесь и встретил Виктор Молодо, выпускнику педагогического техникума, невысокому девушку с такими отчетливо веселыми глазами и светлой улыбкой, что дрогнул замаленный ленинградец. И навсегда полюбил город на Иртыше, где встретила свое большое счастье.

Необыкновенно уютно в квартире Петровых. И вовсе не потому, что убрана или красива мебель. Просто чувствуешь, что живут здесь веселые и дружные люди. И даже холодная белая иртышка маг-

нитрона под руками Виктора кажется теплой. Неторопливой, точными движениями Виктор разворачивает винты, проверяет углы, и так же неторопливо рассказывает о заводе, где он работает, о своем цехе механоснабжения, о автоматизации, о ребятах на своей бригаде коммунистического труда.

И что особенно характерно: широко, по-командно светит на него цеховая бригада. Ноу, интересно тобою же возвращенный специалист отпускает! А вот Виктор сам цехов хлюпает, чтобы Володю Осипова послали в институт студентам завода. Володя у Виктора еще шловоинком принятию proceeds. Потом учеником был в его бригаде. А теперь он один из лучших слесарей.

Или другой бывший десятиклассник на бригаде — Толя Попов. Он мечтает стать летчиком. Поступал в летное училище, да не сдал экзамен по немецкому. Бригадир ему теперь покой не дает: раз мечтает — не отступай, снова и снова сдавай, тогда своего добьешься!

...Зачинчик уронил, не отходит от пального стола «будущий инженер Лариса Петрова, круглолицая девочка с танками же теплыми карими глазами под раскрасавым черным бровей, киди и ушам». А маме, Надежде Георгиевны, играет с Олею (Оля, та в лапу пошла и лицом и управым нравом).

Рассказывала Виктор Алексеевич: не случает ли он по Ленинграду?

— Случаю. Был я там недавно. Зову маму и сестренку сюда, хоть погостить. Да пона не выходит. Ну, а Омск я тоже люблю. Он красивый, зеленый, просторный. Потому мы ведь соренуемся с Ленинградом: по чистоте, по озеленению. В общем, оба эти города дороги мне...

Прошлась, еще и еще раз всматриваясь в худощавое умное лицо Виктора, лицо сильного человека, лица истинного рабочего. С таким легко идти рядом. Ведь вечно живая атмосфера Виктора Алексеевича Петрова пронесла комсомола 1943 года...

Л. АКСЕЛЬРОД,
А. ГАСТРАЯН,
В. СВИННИКОВ

Вы помните киноаряд на фильме «Комсомольцы», в котором был изображен мальчик у станка? Мы узнали, что зовут его Виктор Петровым. Но в 1943 году он работал токарем на одном из ленинградских заводов и было ему тогда 13 лет.

И вот адресное бюро Ленинграда.

— Петров Виктор Алексеевич. В 1943 году ему было 13 лет. Значит... 1930 года рождения.

Огромны картотеки адресного бюро. Сколько там Петровых! И сколько из них Виктор? Но перед нами всего три карточки. Три Виктора Алексеевича, которых в 1943 году было 12—13 лет. Один из них живет в Невском районе, другой — в Зеленогорске, третий — в Гатчине. И все трое — рабочие!

Кто из них тот Виктор, которого мы ищем? Поэзией в Гатчину, Зеленогорск, в Невский район успела не проникнуть. Все трое оказались однофамильцами нашего героя. Была бы не та, что сходится имя и отчество, фамилия и возраст. Даже специальность! И все-таки не то. Значит, надо искать четвертого!

А может быть, в фильме неправильно указан год рождения? И мы решили обратиться к помощи киномультипликаторов с Ленинградской студии кинохроними. Здесь недавно была завершена работа над документальным фильмом «Подвиг Ленинграда» — о блокаде Ленинграда, о массовом героизме, проявленном жителями в годы жестоких испытаний.

Но в фильме не оказалось Витя Петрова. Мы уже собирались отправиться дальше на поиски нашего героя, как вдруг кто-то из редакторов студии, увидев у нас в руках синюю мальчишину, удивленно воскликнул:

— Да ведь это Витя Петров! Неужели знаете его? Конечно. Он с «Электросилы».

— Это точно? — Совершенно точно! — Обсудились на завод «Электросила». В отделе завода нас ожидало полное разочарование. Герой хорошо поминан Петрова, но...

В настоящее время Виктор Алексеевич на заводе не работает... ответили на наш вопрос работники отдела.

— Где же он?

— Вам расскажет его сестра... — Сестра! — Да, Людмила Алексеевна. Она работает у нас.

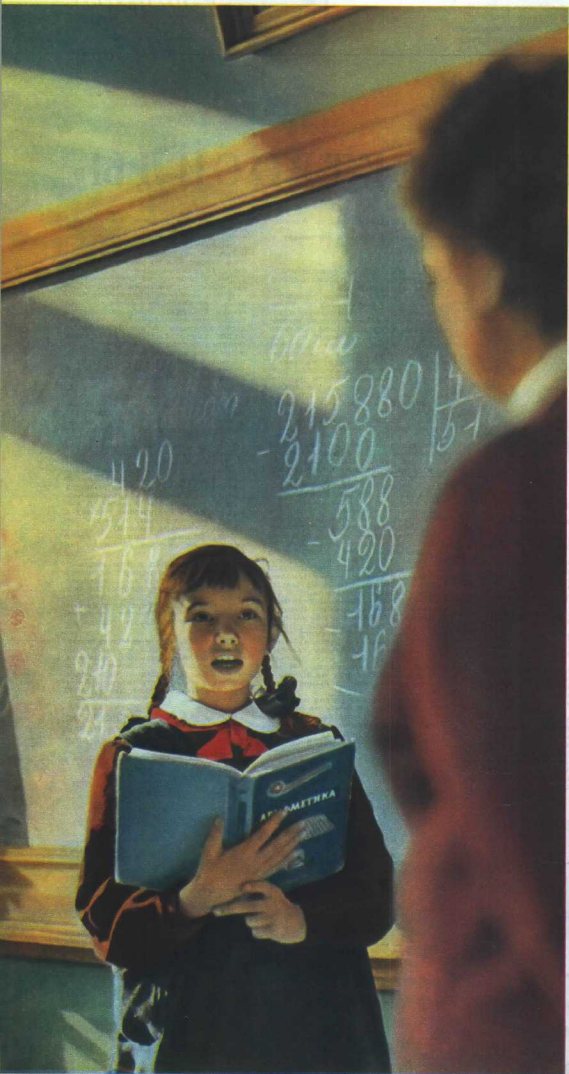
И вот мы в квартире Петровых на Московском проспекте. Нас встречает мать Виктора и Людмила Мария Васильевна. Седые волосы, доброе лицо, задумчивые глаза. Она сразу вспомнила 14 января 1943 года. Фашисты осмысли Ленинград сиротами. Несмотря на это, Мария Васильевна вышла из дому. Снаряды летели в сторону родного завода. Навстречу шел Виктор.

— Ты откуда? — С завода. — Отца видел? — Нет. — Иди домой, и работа вернется. И побоялся на завод. Цех, в котором работал муж, был охвачен дымом.

«На пятый день хоронили старого издурового рабочего Алексея Петрова. На его место и станку стал сын — Виктор Петров. Именно тогда его и сняли операторы кинохроними для фильма «Комсомольцы». Было Виктору в то время 13 лет. Спусти некоторые время Виктор приняли в комсомол, а вскоре избрали секретарем цеховой организации.

ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ ПЕТРОВ СО СВОЕЙ СЕМЬЕЙ.

— К борьбе за дело Коммунистической партии...

КУРС «ВОЛШЕБНЫХ» НАУК

Фото
М. МУРАЗОВА

«Я еще не волшебник, и только учусь» — эти слова маленького героя из детского фильма «Золушка» часто приходят на ум Тани Ионоваловой, старшей пионервожатой 52-й московской школы-интерната.

А как хочется быть волшебницей. Поведа чудесной палочкой — и всем ребятам интересно, все увлечены, у каждого свое любимое дело... А ведь есть такие феи, настоящие феи! Тани знает их и... завидует. По-хорошему завидует и учится.

Тани повезло. Курс «волшебных наук» она проходит у опытного педагога. Его зовут Федор Иванович Пятин.

Когда Федор Иванович узнал, что его назначают ди-

Сейчас даже учитель не скажет: — Тихей!

ректором интерната — это было три с половиной года назад, — он, честно говоря, немного растерялся. Раньше школа для него была с восьми до двух часов дня. А потом классы пустыли, замочил ребячий гул, дети разбегались по домам и дворам. Теперь же школа будет и дома и дворами.

По-новому он стал приглядываться и тем двадцати пяти мальчишкам и девочкам, которые жили в его доме.

Двор — маленький парк. Кулмби, беседки, столи для пинг-понга, турники и даже площадка для баскетбола. «Все чини чинарем» — как говорят хозяйственно, но без всякого антуража мальчишки обитатели двора. Ну что же тебе еще надо, малыш? Развлекайся культурно! Но... не хотят малышки развиваться культурно! Носится они без толку и по баскетбольной площадке, и по кулмам, и даже по столам для пинг-понга. А в дождуровнения пылятся припасанные для них сити минг и игры всякие-разные...

Трудна, ох трудна эта проблема двора, проблема 15 или 25 мальчишек и девочек!

А в интернате мальчишек и девчонок двести пятьдесят.

— Главное — увлечь ребят, сделать так, чтобы каждому было интересно. Вот тогда... — Федор Иванович мог и не продолжать. Учи-

теля, воспитатели и без того понимали, о чем говорит директор.

...Светлану Дмитриевну Тарасову совсем недавно звали просто Светой. До интерната она никого еще не увидела — училась саян. А потом ей доверили 30 учеников.

Вот записи из дневника Светланы Дмитриевны:

ОКТАБРЬ, 1960 год.

Не выдержала, пришла в учительскую и расплакалась. Ушла и из школы. Нет у меня воспитательского таланта. Попробовала Юру Аннина увеселить лаской, а он нагрубил. Принирнула — замкнулся. А вот Володя Зубрицкий — тот совсем тихоня. Ничего ему не надо, ничем не интересуется.

АПРЕЛЬ, 1961 год.

Приехала артистка филармонии. Уехали обженились. Ребята шумели, не слушали их. Больше всех кричал Аннин. И только когда выступал певец, он адруг замолчал.

МАЙ, 1961 год.

Давала Юру. Музыку — вот что ему нужно. Попросила принять его в школьный хор. Я пообещала, что он будет лучше себя вести. Теперь он уже солист. Зарово!

СЕНТЯБРЬ, 1962 год.

Открыли школьный «заов». Уже месяц ребята там работают. Дала им сочинение на тему «Наши мастер-

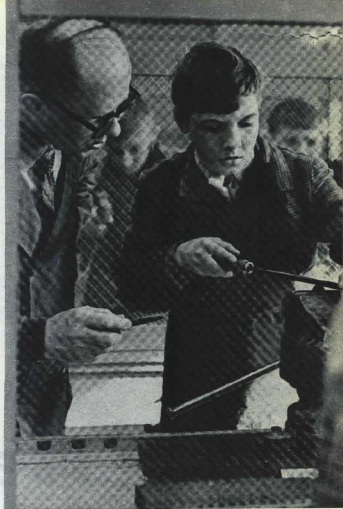
ские». Вот что написал Володя Зубрицкий: «Делали мы сначала простые лодочки для детского сада. Это было совсем легко. Но потом нам поручили очень трудное дело: соловьи...» Кажется, для него действительно очень серьезно эта работа на станке. Главное — подобрать лодочку и лучше мальчишкин. Главное — подобрать лодочку... Не подбирай его — и самые интересные станки в мастерской и даже блестящий инструмент для духового оркестра не тронут ребячьих душ.

В 32-й школе-интернате умело подбирают эти «золотые» ребячьих сердца. Ну, а если для каждого здесь сумели найти любимое занятие, значит, и всех вместе можно увлечь каким-то большим общим делом. А именно в таких делах и рождается коллектив.

Сейчас, например, здесь школа — от второклассников до старших ребят — готовится ко дню рождения Владимира Ильича Ленина, организует музей погибшей партизанки Веры Волошиной.

«Я еще не волшебник, я только учусь», — повторит иной раз про себя Таня Ковалова. Но с каждым днем все реже вспоминает она эти слова, потому что все реже она ладится у нее с ребятами. Дайте срок...

Совсем небольшой срок... Вы увидите в Таниных руках заветную «волшебную палочку».

Ну, как же тебе не стыдно!

Этот папилятик еще такой непослушный!

Советская литература и искусство являются верными помощниками партии в борьбе за построение коммунистического общества в нашей стране. Мы живем в эпоху, когда в мире идет ожесточенное сражение партий идеологий — социалистической и буржуазной. В этой борьбе за умы и души людей мы должны держать в постоянной готовности и чистоте такое мощное идейное оружие, как литература и искусство. Но, к сожалению, не все творческие работники правильно понимают задачи, которые ставит перед ними партия, не все выника Программы. Отсюда те существенные недостатки, а порой и ошибки в их работе, о которых шла былой, призывающий разговор на встречах руководителей партии и правительства с творческими работниками.

Ю. ВЕРЧЕНКО

ЗАМЕТКИ
О ЖУРНАЛЕ «ЮНОСТЬ»

«Нашему народу нужно боевое революционное искусство — в этих словах Н. С. Хрущева не только замечательно верно отражено народное мнение, но и звучит глубокая забота о судьбе самого искусства, о его настоящем и будущем. Советскому народу, советской молодежи чужды бессмыслица, подражание образцам буржуазного формализма и абстракционизма, которые порой протаскиваются в нашу литературу и искусство под соусом «разнообразия вкусов». Трудящиеся нашей страны не принимают и никогда не примут те «творения», которые проповедают индивидуализм, узкий мирок обывательщины, мещанства, дилетантизма. И тем более сильными творческими возражения вызывает волна или новоявленная попытка совмещать несоместное, так или иначе сблизить, уравнивать знамямисколько олицетворяющая позиция, когда спускается таким авторитетным и у пишательской и у читательской молодежи журналам, как «Юность».

Судя вот, на страницах «Юности» опубликовано немало талантливых, интересных произведений, звуковидных молодежь на труд и на подвиг, воспитывающих ее на ярком примере бесстрашной борьбы за великое дело коммунизма, глубоко раскрывающих психологию советского молодого человека, проявляющую высоким классическим самоощущением. Редакция выставляла сильный творческий актив. На страницах «Юности» начинали свою литературную деятельность многие молодые прозаики и поэты.

Ряд интересных произведений напечатала журнал и за последние

погода. Это стихи Евгения Винокурова, Владимира Цибина, Леонида Завальнова, молодые поэты Ленинграда. Особое место среди этих произведений занимает документальная повесть генерала А. Родимцева «Машинка из Мышеловки», рассказывающая о подвиге безстрашной комсомолки в дни Отечественной войны. В «Юности» помещены интересные рассказы, посвященные этому героическому времени: цикл «Завоскресенье» Владимира Малыхина, рассказ В. Самойлова «Пайка хлеба».

Но разве можно считать нормальным, что рядом с ними публикуются произведения тусклые, убогие, а порой и попросту ошибочные! Действительно, чем, как не отсутствием партийной принципиальности, четкости в ярких позициях редакционного журнала, объясняется противопоставленное соседство произведе-

ний с изображением того периода лишь эффе́ктуно, выигрываю тому, а редакция «Юности» видимо, не считает своим долгом помочь авторам занять правильную позицию.

К чему это приводит, можно судить по выступлению в февральском номере журнала поэтессой Юныи Морич со стихотворением, посвященном Тишану Табидзе, ставшему жертвой в период культа личности.

И то право дао времени Совету эведеду под гильотину! — с болью и гневом восклицает поэтесса. Но далее, когда неравномерно обобщая факты безаконоч и пронозла, Ю. Морич призывает громь и молнии на целую страну, ее задос оказывается самым дуку борьбы партии с яким чуждым намечному обществу инаемцем, как культ личности.

ДЕ ЖЕ
ОБЕЯАНИЕ
ПОРАТИНЫ?

Вот уж действительно, как сказал Н. С. Хрущев, «правильно поступают матери, когда не дают острым вещам детей, пока они не научатся пользоваться острыми инструментами! Редакция «Юности» как в этом, так и во многих других случаях не сумела стать такой матерью для своих авторов. Отсюда целый ряд в творчестве молодежи, отсюда явное непонимание ни прошлого, ни настоящего.

Затрагивается тема культа личности и в повести Антона Гладина «Первый день нового года». Произведение посвящено, собственно, нашим дням; глазами главных героев — отца и сына Алексея — автор пытается увидеть старшее и молодое поколение советского общества. Отец лежит в больнице и излагает читателю свою биографию, биографию которой проходит в его воображении. Сын — художник — пишет «сложные», «современные» картины, которые «не хотят выставляться». Кроме этого, он встречается с девушкой, которую страстно влюбляется. Автор пытается проанализировать, как отразился в сознании молодого поколения события, связанные с разоблачением культа личности. Но как же у него это дается? Предоставляет слово герою, и тот в выраженных словах газетной статьи сам себе объясняет: «А после XX съезда мы узнали о трагедии тридцать седьмого года, о трагедии первых дней войны, о ленинградском деле. Представ-

лещ, как это подействовало на всех нас, особенно на самых молодых. Мы плакали, плакали и мы впадал в нигилизм. Нет, отец, тут и проявилась разница между нами и нашими сверстниками из буржуазного Запада».

Мы полагаем, что поколение наших отцов — именно вы — нашло мужество раскрыть все ошибки и злоупотребления прошлого». Никто, разумеется, не возражает. Возьмитесь против этих очевидных истин. Но можно ли подменять такой скоророговоркой подлинный художественный анализ характеров?

«Мы любим свое дело, и мы хотим, чтобы жилилось в нашей стране стала такой же настоящей, как наша чудная архитектура, поэзия, проза, как наши лучшие фильмы, как наши разнообразные науки, особенно физика; чтобы жилилось помогало людям жить, чтобы они звали и воспитывали, а не боялись развлекаться». Вот так вот фотографировать, мимо которой проходит с холодным сердцем.

Опыт-таки весьма похвальное желание — до интереса ли это читателю? Глубоко ли автор раскрывает духовную жизнь своего героя? Очевидно, такие серьезные темы, как культ личности, борьба с его последствиями, отношения старшего и молодого поколений в стране, политика партии в области искусства, не терпят легковесного подхода. Но почему же при этом не читать, послушать, отразил. Однако Гладина именно так подошел к этим важным и сложным проблемам, удавшись куда больше описательного, чем встречая молодого Алексея с Ирой, их роману. Тут и детальнейшее описание того, как познакомились, и как пошли в ресторан, и как выехали из ресторана, и как в них расписывались, и какую светски-непринужденную чехуху молао художник, желая понравиться девушке, был вынужден это делать, очень важно для понимания отношения героя к старшему поколению, к сложным явлениям периода культа. Но нельзя так, походу, наскоком касаться тех желых душевных нар, нельзя опустить и количественно — вошло или не вошло.

Вот она, а самая тема некоторых молодых авторов, что болады дети и современности на окольных картинах, стежках, а иногда и просто в болю мелаких, мещанских страстях», так к птичьему языку и восторженно выкрикивать. Именно так, в своем выступлении на XIV съезде комсомола редактор журнала «Юность» Б. Н. Полюев, но сам, язык, не сумел преодолеть это.

Мы не станем подробно разбирать повесть Василия Аксенова «Апельсины из Марокко», опубликованную в январской книжке «Юности» — о ней уже достаточно говорилось в прессе. Но на одну тенденцию, проявляющуюся в этой повести, обратим внимание как наиболее характерную. Это — отрицание аксеновского героя — Николая Колчанова — к возможности пойти в руководителем: «Я хочу лечь вперед», «НУ, подожди парней, я тебе скажу, ты не можешь органически не могу лечь вперед». Что это, конечно, герой или политика автора бросить тем на всех и восторженно выкрикивать. Но почему же руководителем тем или иным участком общей борьбы за общее дело?

Странная позиция, непонятная позиция, тем более что делаются заявления о том, что она не только в повести Аксенова.

Достаточно появиться на страницах «Юности» материалу о комсомоле, как в нем обязательно замечают паритет отталкивания — такие образы комсомольских вожаков. Показательно в этом отношении интервью корреспондента «Юности» А. Герберя с двумя неидеальными комсомольскими работниками. Они совершили патристический поступок: из города, с руководящей комсомольской работы приехали в колхоз, один — преподавателем, другой — заместителем. Как же выпадает эти товарищи в изображении Аллы Герберь? Даже внешне они производят отталкивающий эффект: «Коле — паритог и одновременно заместитель председателя... Его большое, грузное тело точно приросло к стулу... Лицо его тоже было красным, словно застывшим. Иногда кажется, что он спит. Самое живое на этом лице — очки...».

Правда, автор оговаривается, что «обесчужающая монументальность» Коля развилась в детстве, а вначале, а потом-де, я поняла, какая за ней скрывается напряженная работа мозга, где каждое слово тщательно продумывается, прежде чем проносится. «Колечко — Честь и хвала рассудительному Коле, но читатель не может не заметить парадный стиль подобной характеристике. Однако, тем не то не он обратил внимание работницы редакции, без сомнения, читавшие знаменитый роман Ильфа и Петрова «Двенадцать месяцев и недели». Но в рассказе Коля о пуске трамвая в Старгород: «Некрасивое лицо инженер-электрика... Его ханжская фигура, маячная на лесах...».

И в Под стать Коле и его руководителю Саха. Его красочный портрет тоже воспринял Аллой Герберь: «Саха — человек на ромашках. Он даже в самые острые моменты спора умудряется парить один глаз в окно, чтобы не упустить вот-вот подлетит с последней минуты каустика».

Обрисовка таким образом героев, корреспондент излагает содержание их разговора. «В самые острые моменты спора... Но споры как ринг и нет. Разные по темпераменту, эти люди по существу похожи друг на друга как две капли воды. Оба проявляют поразительную единую точку зрения комсомольскую систему работы... Но дружно считают своих недавних коллег — комсомольских работников — безудачными формалистами, стухарями и бучкальщиками».

Саха: «Его да нашего райкома нет Глафиры, а есть доярка, нет Пети, а есть тракторист... Вот бухгалтерия и занимаются, хвосты подкалывают...».

Коля: «А в райкомской первой раз как за железным занавесом сидят. Даже формула есть такая: «Я на комсомоле работаю». «На комсомоле» — это что такое? Учреждение департамента?».

Не менее дружно оба героя изрекают прописные истины и признают собственную вину в распространении «комсомольского» формализма.

Саха: «Забываем мы порою, что комсомовец — это не только производственная единица и взносо-

дательский. Он прежде всего человек, который работает. Ему не нужно стремиться, о чем-то мечтает, а думать...».

Коля: «Винить тут некого, виновники мы сами... Поздно, правда, поняла это, но хорошо, что поняла. Прежде чем за работу залезть и комсомольскую работу брать, надо заставить... а людьми поработать, душу их узнать...».

Словом, все ясно. Пока герои работали «на комсомол», они работали на райком, на комсомольские формы и методы и делатки. А вот столкнулись с практической работой и горько раскаялись в прежней деятельности. Ничего не скажешь, хорошие вожаки!

Между прочим, над материалом помещена фотография Александра и Николая. На снимке Александр изображен в профиле. Серьезный, задумчивый человек в рабочей позе. Двойное правление черны глаза, прямая нос с миткой горбинкой. Но вот как он выглядит в описании А. Герберя: «А сама, в силу того, что он был в шапке... Если молчит, то выразительно показывает губы и подпрыгивает вверх и без того курносый нос... Которые, как говорил безусловный Козьма Прутков, «если на клетке слона увидишь надписи «тигр» — не верь глазам своим»».

Мы не сомневаемся, что устные рассказы и расквашенные комсомольскими работниками рассказы Александр и Николая, как описание их внешности по строгой объективности фотоснимка. Хуже всего, однако, описано то, как молодой редактор, ее корреспондент создал правдивые портреты вожаков комсомолии. Без тавтолог, запятой, показу и лакировки. Все точно, как есть.

Возможно, и не стоило бы столь подробно останавливаться на материалах «Чтобы людям жизнь лучше», если бы он не был весьма характерен. Однако, поскольку комсомольским работникам еще подорожают от этих похвал!

Кстати, рядом с этим (по мнению редакции, писанным) материалом помещены «иронические» — критический очерк И. Метера в ту же тему. Можете себе представить, как выглядит в нем молодежь, возмужавшие студенты, в быт, в быт, в быт, комсомольских работников, огульных для комсомола, — пишет автор! — Они уже титуются своим продвижением в молодежной организации, и, вероятно, потому считается, что они могут занимать в ней только командные должности».

Сразу оговоримся, мы отнюдь не против критики — острый, принципиальный. И в материале И. Метера есть весьма интересные моменты. Однако, когда уже требуется осторожные, неопределенные личные формулировки: «вероятно, потому считается и почему-то порой положено — почему-то и дитя не знает конкретные ошибки и недостатки в деятельности комсомольских организаций, а некую живую обычно по отношению к правду».

И именно хочется спросить редактора «Юности»: как же так, уважаемый Борис Николаевич Молодцов знает нас как писателя, уважаемого журналиста, глубоко разбирающегося во всех сложных процессах и ярко отображающего ее в своих произведениях с высоко-

принципиальности, партийных позиций, понимая и вали слова, проносимые с трибуны XIV съезда комсомола: «...разве не радость, разве не важно ввести в литературу новых Чапаловых, Александровых, Даваловых наших сегодняшних дней? Разве их нет? Да сколько угодно! Ищите — и найдаете. Вы говорили тогда, что по путевкам журилась много людей на чинах в Сибирь и даже в Антарктику. Но возмите уже упомянувшуюся повесть В. Аксенова о жизни молодежи в Арктике, там столько трудностей, острин, о сложных проблем. Разве не страшно, что автор не заметил их, разве не удивительно, что комсомольцами-администрациями обсуждают в повести на облом собрания эживотрепещицу порою, носить нам не носить бороду одному из инженеру, что дает возможность этому инженеру выдвигать предложение выдаться над тушью комсомольских активистов: «Прогло swallow. Большинство было против борды».

Эта деталь, к сожалению, вполне вписывается в общий фон рассказов о комсомоле и его людях, которые предладет читателю «Юности». Разве это не странно! Неужто редактор Б. Н. Польской и писатель Б. Н. Польской так поразному смотрят на вещи? Трудно поверить. Однако, знакомая с тем, что публиковалась редакция «Юности», думаю, вполне возможно приходили с такой мыслью.

Вот для рассказа Виссариона Сиснева — «Адело Фролова» и «Андрианыч» в журнале «Юности» автор повествует о бандите.

Во втором рассказе перед читателем снова предстает комсомольский работник, завовавший отделение колхоза — Андрианыч обкомом «Андрианыч, как обычно, без всякой причины захохотал». «Андрианыч слушая разговор со своей обкомой бандитей улыбка». В другом месте Андрианыч понимает мнем и умчалется. В третьем: «Помираем с голоду, — хохотнула мой начальник». Между тем бездумно улыбаются и хохотит Андрианычу вовсе не оснований. В колхозе горячее время, страда. Ремонтники обеспокоены, что простанет, не использовать технику. «Вот у нас есть два да три новых комбайна. А хлеба горит уже...» На этот крик души одного из рабочих комсомольский работник пламенно шутит: «Комбайн как стои! Почему горит! Абсолютно точно, что ничего не стои». Андрианычу плавает на нужам людей, на стабу уржаки была бы формально два полена дикретива «сверку». Больше всего комсомольского руководителя заботит, как бы вовремя попомощить, да вытиснуть. Короче говоря, Андрианыч уже заслуживает оценку, которую ему дает один из персонажей: «Ну как ты яо всем чертам комсомольский обком! Ты же на сто процентов безответственный болтушка! Что ж, в жизни порой встречаются такие комсомольские руководители. Паррадикализм и непонятность Аргументов бросают друг на друга впервую встречном, — полная неадекватности Андрианыча как комсомольского вожака, — объясняется, никак не могут в жизни жить в нем?».

«В обкоме его считали хорошим организатором и классным докладчиком на темы комсомольского ро-

рали и коммунистического воспитания. Но помнит и читатель, что Тоям в заводских долах не задержится...» Словом, мораль сей басни ясна: работники обкома все как один пугаемо-напуганы комсомольскими организациями еще попадаются живые, мыслящие и деятельные люди, то чем «ваше», тем жаргина плачевнее-тем гуще, тем больше надо выказывать комсомольские работнички».

Читай произведения последних номеров «Юности», приходишь к удивительным выводам. Если в живые комсомольские организации еще попадают живые, мыслящие и деятельные люди, то чем «ваше», тем жаргина плачевнее-тем гуще, тем больше надо выказывать комсомольские работнички».

В 10—12 номерах «Юности» редакция опубликовала обкомское произведение Агнии Кузнецовой «Много на земле дорог». Автор полагается показать настоящие нравы, преобладающие и активных комсомольцев. И кое-что удается Кузнецовой в образах Кости Лазуновича, Нади Молочковой (последние вступают на комсомольскую воучительно-назидательная манера писательницы). Но вот применительно детали: всего на мгновение появляется в повести комсомольское начальство, секретарь райкома БАКСМ, однако его нельзя не упомянуть: «Петр Голауб...» — худощавый, с длинными усами, в рубашке вышитой лавровой... из-за чего казалось, что он все время улыбается... Не правда ли, что-то слишком знакома эта улыбка! Кроме того, не первый раз встречается оно на страницах «Юности! Разумеется, Петр Голауб оказывается до мозга костей формалистом, но не видит существа дела за его внешней оболочкой. Видно, что хорошего парня (которого, кстати, он прекрасно знает по совместной учебе в школе) надо снять с работы, дать ему выговор... Но дозволено!».

«Каждое, даже самое хорошее дело имеет свои теневые стороны», — говорила Н. С. Хрущева на встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры и искусства. И самый красивый человек может иметь изъяны. Все дело в том, как подходить к жизненным явлениям и каковы позиции при оценивать. Как говорит, что шепчу, то и находишь». В этой связи кажется, мягко говоря, странной позиция редакторов популярного комсомольского издания при приеме формулистом, достоянием лучшего применения, являющим своим читателям мыслью о том, что комсомольский работник — это непременно формалист, стухарь, бучкальщик, человек с шпорами на глазах, не знающий и не понимающий действительности, а комсомольские органы — нечто вроде департамента, в котором слуха гоголевский Азалик Азалик.

Вместе со всем народом советские юноши и девушки горько и единодушно поддерживают борьбу партии за живую форму нашего искусства и литературы, за их коммунистическую идейность и высокую художественность. Мыслью и творчеством журнал «Юность» открыл самую широкую дорогу на журнальные страницы произведения, созданные в ярких образах, правдиво изображающие жизнь и творчество в наше время: строителя коммунизма, утверждающего победу новых отношений в нашей жизни.

Петр ДУДОЧКИН

Рисунок О. ВУКОЛОВА

В первые годы Советской власти в глухие Бельские леса, на границе Тверской и Смоленской земель, приехал на охоту Владимир Ильич Ленин.

Местные жители на всю жизнь сохранили в памяти те счастливые дни, когда довелось им встречаться с Ильичем — простым, юным и великим человеком. По их рассказам калининский писатель Петр Дудочкин написал повесть-хронику «Пожизненная молодость». Почти два десятилетия он собирал и проверял все, что имеет отношение к тверским и смоленским эпизодам из жизни Ильича.

Ниже напечатаны новеллы из этой повести, которая полностью выйдет в Смоленском книжном издательстве

Пожизненная молодость

Развилка дорог была на самой опушке леса, и вот тут-то, при выходе из березняка, охотники застал дождь-проливень. Он загал под развесистый дуб и Владимир Ильича с друзьями и попа, весть откуда заблудившего. Поп степенно перекрестился, вытер рукавом рясы заросшее лицо. Он, конечно, узнал Ильича и рядом с ним чувствовал себя как-то неловко, но глаза не притал, смотрел прямо, кротко, а когда встретился с ленинским взглядом, сказал:

— Прошу прощения, глубоочтимый предсдатель Совнарком...

— Пожалуйста,— доброудно ответил Владимир Ильич.

— Гадь всего святого, просяте рожне сознание мое.

— Говорите, как смогу, постараясь.

— Человек живет до ста лет, а больше — редко. Вот дом Роменовых царствовал триста лет, татарское иго длилось два с половиной столетия, а сколько будет жить Советская власть?

Ленин внимательно смотрел в глаза собеседнику. Поп заморгал и, погнувшись, продолжал:

— Вена да она, Советская власть!

Охотники исторжались.

Ленин снял с плеча ружье, поставил его к дереву, Помолчал, спросил:

— Вам сколько лет?

— Сорюк два,— ответил поп.

— Если я спрошу: «Сколько будет продолжаться ваши сорюк два года?» — вы скажете: «Нашний вопрос. Не правда ли? Так и для

меня наивен ваш вопрос о том, сколько лет будет продолжаться наша рабоче-крестьянская власть. Советы — это ступенька большой лестницы. Только одна ступенька. Год — отрезок жизни, отрезок с началом и концом по календарю. Советская власть — отрезок жизни общества. Календарное начало это 7 ноября 1917 года, а конец, открывено говоря, предвидеть трудно.

Возле кузницы, усевшись на старую талугу, трое крестьян читали «спу газету «Правда». Присел к ним и Владимир Ильич, возвращавшийся с охоты вместе с егерем.

— Что хорошего сегодня в газете? — спросил Ленин.

— Хорошее иль плохое, что ее знает,— пробасил тот, который читал,— молодой, ладно сложенный парень в донатовой рубашке.— Мы люди темные — на нашего ума это дело.

Другой, совсем юнец, помалкивал, только ухмылялся, а третий — старый чумазый кузнец, как бы продолжая мысли или оправдывая своего одноподервенца, тоже высказался: — Вот если б нас спросили про хлеб — вкусен иль некусвен, или про воздух — чех пахнет! — про это мы скажем: это нашего ума дело. А тут про науку да про книги и всякую музыку.

— Значит, конец все-таки будет? — оживился поп.

— А как же! Обязательно! — жизнерадостно воскликнул Ленин.— Да-да, конец будет, так же, как он бывает у детства, у отрочества, у юности. А что касается вечноности (не знаю, обрадует это вас или огорчит) — Советская власть не вечно, нет! Зато новый строй, которому она служит, строй коммунистов,— молод, покаянно молод! Покаянноно — вот в чем соль!

Небо понемногу очищалось от туч, ветер утихал. Готовый к новому охотничьему переходу, Ленин вскинул за плечи ружье.

Хлеб насущный

— Говорите, не вашего ума дело! Неправда, дороге мой, неправда! Воздух и хлеб для человека — насущная потребность. Но ведь и науки, и книги, и музыка — все это тоже для человека. Также насущная потребность! Значит, каждый человек имеет право тоже, как и про хлеб насущный, судить обо всем, что вкусно, а что некусно.

— Непривычные мы судить,— уклончиво ответил старик.

Ленин посмотрел на него, вздохнул.

— Верно, верно,— почувствовал он.— И все же пора привыкать к своим, советским порядкам: теперь все вашего ума дело, все.

Широким жестом Ильич показал перед собой вдаль, присел на грядку телеги и взял «Правду».

— Что ж, давайте вместе поглядим, что хорошего сегодня в газете.

Хуже холеры

Владимир Ильич с братом Дмитрием Ильичем и двумя сестричками зашел в комиссарку как раз в тот момент, когда председатель исполкома, криксивший детина в кожаной тунике, разговаривал с мужичиной интеллигентного вида, усадив, со шпалой в руке.

— Все встань.
— Продолжайте, пожалуйста, продолжайте заниматься своим делом,— мягко заметил Владимир Ильич, поздоровавшись. Встал со стола газету и ушел на лавку, а тут начался.

После неловой минутной паузы председатель исполкома продолжал свои дела. Интеллигент, оказывается, приехал из города на по-

одняжды в беседе с Ильичем крестьяне посветовали на нехотку плугам и боронам, рассказали о полях, заросших в войну не только бурьяном, а даже кустовым. Они встретили Ленина за околицей маленькой деревушки, когда он возвращался из лесу, и прямо, без угороу заговорил про свои нужды.
— На Марином косогоре сосинки подкашиваются. Да еще какой В оглобле Не пахают, а корчевать его надо! — рассказывал добродушный басом один из крестьян и в недоумении разводил руками.— Подумать только, до того густ-прегуст вымахал, будто посевы. Как на досуду нашему брату, зыпелуха.

В разговор вмешался другой крестьянин. Он припомнил чью-то слова: на том самом месте, где перелесок, давным-давно, лет сто назад был глухотанный лес. Сосны росло видимо-невидимо. Потом лес рубить стали, а сосны и вовсе не вел себя. Стоять уже никак не могло красовался, но один куток не отгрызали. Даже забыли, что когда-то тут чащоба была. И вдруг — на тебе! — приехали солдаты с войной и дню дались: куда ни глянь — основная

стояночное жительство с родным и просил дать ему должность в исполкоме,— вот председатель и делал его разными вопросами, устроил своего рода экзамен.

— Как вы будете делать все то, о чем мы говорим?
— Нам приказано, так и буду делать! — негромко, но четко ответил приехавший.

— А дальше что будете делать?
— Что приказано, то и буду делать!

— Ну, все-таки сами что-нибудь будете думать?
— А как же! Разумеется! Что приказано, то и буду думать.

Ленин улыбнулся и углубился в газету.

Дмитрий Ильич разглядывал на стене плакаты и тоже улыбался.

Председатель исполкома почесал затылок и, возвращая собеседнику документы, встал, рассерженный, строгий.

— Вы, наверное, полагаете, что в воинском и думать ничего не надо самому?

Интеллигент и тут оказался верен себе — развел руками:
— Как прикажете.

Когда горожанин ушел, председатель исполнил свои обязанности.

— Пришлось отказать, а ведь позарез нужен человек.

— Не отрывайтесь от газеты, Ленин как бы мимоходом заметил.

— И я в вашем месте поступил бы так же. Вполне одобряю вас: это чрезвычайно опасная штука — автоматическое софлефонство. Хуже сыпного тифа, хуже холеры!

Осиновые корешки

поросль. Видать, правду говорят про чинь корешки: через сто лет, случается, побегн покусок.

Ильич шурял глаз, слушал крестьян со вниманием, а выслушав, начал рассказывать с подробностями, словно отчет делал перед высшим комитетом, как и что делает правильно, чтобы фабрики и заводы выпускали все необходимое народу.

— Стало быть, дождетесь свободы! — спрашивали образованные крестьяне.

— Будет все, что надо! — уверял Ильич. — А Марином косогор надо расчистить. Правительство обязательно поможет вам. Потому оно и называется рабоче-крестьянское правительство.

Просьбы были не только у крестьян к Ильичу, но и у Ильича к крестьянам. Он просил беречь свои госуларство, свое рабоче-крестьянскую власть и учо держать востро.

— А кого ж, Владимир Ильич, нам теперь боится? — недоумевали мужики. — Всея ворог мы на лопати полонили, и того надобно, в могилу вогнали да в кол осинового забинки. Кого ж боится!

Ильич слушал крестьян и хмурился, неодобрительно качал головой. Держа левую руку за спиной, под ладяном, он показал правой рукой на тот самый косогор, о котором шурял разговор.

— Про Марином косогор не забывайте! Да-да! Сами говорит, что лет полза чистым было и вдруг осины отпрыгнули. — И пристально глядя на собеседника, Ильич развел руками: — Порок какой-то в людях. Вон там вымарывалось, поле чисто, и вдруг неожиданно-негаданно появляется именно то, что, казалось бы, давным-давно уничтожено. Да-да, корешки — это не штука!

И начал рассказывать про муляцкую лямку на Тамбовщина.

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Мария КАСПРОВИЧ

осна и светлую куртку, серые брюки, такого же цвета фуражку. Лицо выразительное — одно из тех, что запоминается навсегда.

Его часто навещали друзья, также же заглядывали хал и в дом. Многие русские революционеры, которые жили в этой маленькой деревеньке, задедали о родине. Начальник почтового отделения в Поронине говорил о них как о людях известных и уважаемых, поскольку они получали со всего света много телеграмм и писем.

В августе 1914 года всплынула мировая война. И вот уже несколько дней, как я не вижу моего симпатичного невнятного, частенько просящего на завтрак хлеба нашего дома. Вскоре мы узнали, что он арестован австрийской жандармерией и содержится в тюрьме в Новом Тарге.

Тогда мы убадьмась, сколь ценны и известны был этот человек в кругах прогрессивной интеллигенции, как много у него друзей среди польских общественных деятелей.

Друзья русского эмигранта обратились к моему мужу, известному поуту Дядю Каспровичу, с просьбой помочь освободить его из тюрьмы. Каспрович был колебания выехал на следующий день в Новый Тарг. Русский пришел вскоре к мужу поблагодарить за assistance.

Теперь я его увидала опять: глаза добрые, молодые, пылающие огня; глаза быстрые, пронзительные; во всей его фигуре, в каждой движении видны сосредоточенность и

Автор воспоминаний Мария Каспрович — жена выдающегося польского поэта Яна Каспровича. Живя летом в Поронине, Мария Каспрович часто встречала В. И. Ленина, проводившего там вместе с семьей лето 1913 и 1914 годов.

Вскоре после начала первой мировой войны (8 августа) 1914 г. Ленин по ложному доносу был арестован австрийскими властями и заключен в тюрьму в Новом Тарге. Там он задушевно встретил польские социалистические писатели Вацлав Ганцель, старший народолок Дунаев, известные польские писатели Ян Каспрович, Владислав Орляк.

И. К. Каспрович обратился за помощью к депутатам австрийского парламента Виктору Алену и Герману Диманху, знавшим Ленина как члена Международного социалистического бюро — исполнительного органа II Интернационации. Их званием на австрийские власти подготовили: 8 (19) августа Ленина выпустили из тюрьмы.

Публикуемый здесь отрывок из воспоминаний Мария Каспрович посвящен тем тревожным дням.

силы. Он просто и сердечно приветствовал меня и спросил, можно ли видеть моего мужа.

Я не присутствовала при их разговоре: не хотела мешать. Но когда Каспрович проводил своего зятя и, довольный, вошла в мою комнату, я была не в силах сдержать любопытство:

— Кто это? Как он тебе понравился? О чем вы говорили?

— Это зовут Владимир Ленин! Это уныный и очень симпатичный человек.

Каспрович, улыбался, смотрел на меня.

— Ты конечно, гордишься своим земляком? Я получила большое удовольствие от разговора с ним,— промолвила он. — Ленин решил отсюда уехать и как можно скорее. Ему нужна заграничный паспорт. В военное время это не так-то легко сделать. Впрочем, посмотрю, может быть, и удастся.

Вскоре Ленин выехал в Швейцарию, где оставался до 1917 года.

О нем мы услышали вновь, когда в России всплынула революция. Наш знакомый из Поронина, скромный русский эмигрант, стал вождем Великой Октябрьской социалистической революции.

Через некоторое время нам довелось возобновить давнишнюю нить дружбы, однако при 1920, несколько необычных обстоятельствах.

Это было в 1920 году. Моя мать и сестра жили тогда в Петрограде. Я уже давно не имела от них никаких известий и сильно беспокоилась. Неожиданно

мне пришла в голову мысль: надо написать Ленину, попросить его устроить выезд моих родных из России.

Так я и сделала. Затруженный с адресом не был в Москве, Кремль, Ленин. Но как послать письмо? Ведь только нами был фронт. На всякий случай я написала два письма одинакового содержания: одно из них я послала почтой через Румянцова, другое отдала польскому романтисту в надежде, что ему удастся перебраться его через линию фронта.

Я не верила, что мои письма дойдут до Ленина. А если даже дойдут до Москвы,— а умал и то раньше, чем до Ленинграда, а тогда желатель для России момент обратить внимание на мою просьбу? Найдет ли он об этом время?

И все же мои письма дошли! Я их послала в январе 1920 года, а в апреле этого же года получила ответ от Ленина. Телеграмма дошла до нас через Эстонию.

Текст этой телеграммы, написанной на русском языке латышскими буквами, звучал так: «Ваше письмо я получила три дня тому назад, распорядился относительно всего, что нужно, чтобы облегчить выезд ваших близких из России, паспорта им уже выданы.

Предоставляю Ленин.

Я знаю, что никогда не забуду того скромного эмигранта, каким был В. И. Ленин летом 1914 года в Поронине. Москва ал тогда и представлять, что его мысли о переустройстве мира так быстро осуществляются?

Перевод с польского Ф. ШЕФТЕЛЯ.

ПОИСК

«У ТЕБЯ, УВАЖАЕМЫЙ, КАША В ГОЛОВЕ»

МОЖНО ЛИ ДОБРАТЬСЯ ДО ЗВЕЗД ВСЛЕПУЮ?

УЧИТЕЛЬ И «БЕЛЫЕ ПЯТНА» В НАУКЕ

ПОТЕСНИТЕ НЬЮТОНА

«ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О КВАНТАХ?»

ПЕРВОЕ ЛОМОНОСОВСКОЕ...

ШКОЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ УСТАРЕЛИ
ИЩЕМ СОБРАЗИТЕЛЬНЫХ!

А ТАЛАНТИВЫЕ ФИЛОСОФЫ НУЖНЫ?

Пупцовый от волнения литматилетний паренек сидит, поднависив вперед плечами, и слушает, слушает. Иногда он улыбается и радостно кивает: да, да, так должно быть! Иногда хмурится: почему? Ну, как же — вот он, многогольник, а это радуге сферы... Да, да, ясно. Дальше, дальше! Они волнуются одинаково — и профессор, известный в стране математик, и кто его слушатель — учащийся первого в Союзе физико-математического училища при Сибирском отделении Академии наук. Среди них и он, Саша Иванюк. И Саша и профессор — один впервые, другой в третий раз — вместе переживают радостное изумление перед простотой и силой гармонии — математической закономерностью.

— Вот это утоллок прибавляем сюда... И вот! — Профессор бросает мел и смеется, поглаживая бороду. — Вот как все просто в этой самой математике!

И Сашу вдруг пронзает странное чувство: а не сон ли все это? Сферические многоугольники на доске, афактатор аудиторий, профессор, чье имя любимо по книжкам. Горюлок с цветными пролетами дымов, чистый и светлый, как отражение в лимфе. Толстые книги с репродукциями Сурикова и Рокквалла Кента. Бархатный, внимательный друг, молодой математик, весело подтрунивающий: «У тебя, уважаемый, каша в голове. Что за манера читать четыре книги сразу? Оказывается, Саша прочел весь университетский курс по математике. События свалились быстро и неожиданно, как неожиданный сюрприз. И до сих пор еще толком не знает: сон это все-таки или не сон?..

Первый спрыгал мет в облако. Оно прозрачно примерно Кассиово, но колода на звест Небес. В черном небе пылали созвездия. Их близость была мучительной. Не надо было напрягаться, чтобы почувствовать их полет в пространстве, мертвый хлопок кометы, жар звездного искра. И как тахает из мировой глубин прямо сюда, к окну. Что за нити связывают мир воедино — от электрона до Галактики?

Когда это кончатся, Салют? Звездой оно, проступившее... — Это мажма. Хочется еще поглядеть на окне. Но всё — звезды отодвинулись. Теперь они сами по себе, независимо от Салки. Их с чем не связывали, а сами по себе, как в звездном атласе.

В жизни Сашки наступила четырнадцатая весна, самая тревожная и счастливая. Все предметы на свете вдруг повернулись какой-то удивительной стороной, все свазалось в гигантский хорюлок.

Астрономией Саша увлекся с одиннадцатилет. Летними ночами он высказывался на дому. Было прохладно. С монгольских плоскогорий, с той стороны границы, дуд сухой, похлынул ветер. Ясным, доверчивым светом разливалось небо. Он узнавал Дрида, Лебеда, Цефея. Расстаивался на траве и босяк, что вот-вот выйдет мама, смотрел, смотрел. И настойчиво хотел понять, еще не знал, что именно. Толкуют он сделать не спюет: не было спеклов. И тогда он решил догадаться до звезд вслепую. Это была его тайная мечта. В библиотеке, жарко красная, попросил учебник высшей математики. «Какой?» «Да все равно!» — смотря в пол, промолвил Саша, — пусть думают, что книжка не для него. «Вот все, что у нас сейчас есть». Три потренированные книжки. «Возьмите лучше Луанца». «Можно, я возьму все?»

Он едва дождался вечера, чтобы засесть за книжки. Первую страничку читал полчаса. Дальше пошло еще сложнее. Доказательства строились на чем-то очевидном, чего Саша не знал. «Отсюда ясно следует...» — говорили в книжке, а мальчику ничего не было ясно. Он гадилку подальше — и замурчался: странички сплошь были заполнены непонятными формулами. Стремительный валет к звездам откладывался, требовался расшифровка. Ничего, ради астрономии можно было решиться. Через месяц он был в одной книге на пятой странице, в другой — на седьмой, в третьей — в второй.

Саша по-прежнему ходил в школу, учил наизусть отрывки из «Музуг», любил реплику «Не жалеть и краснеть!», «Рубака», прилежно решал задачи о трубе А, через которую выливается воды больше, чем выливается через трубу В, добросовестно, на четверку писал в сочинениях, что «Гатьяна Ларина была образцом сибирской верности».

А вечерами для него начиналась другая, тайная жизнь. Сначала мысль, прирученная к гладким дорожкам учебников, испуганно шаркалась от загадочных страниц. Саша поменял их наизусть, но убереза ничего не давала — он мог бы отведать «этого» досыта, но ему нужно было через «это» добраться к звездам, извлечь из «этого» конкретный смысл. Снова и снова он возвращался к первым страничкам. И вот однажды они загово-

рили. Чуть с ексидией, суховато и изныно они рассказали Саше все — это было удивительно просто.

В те дни он был счастлив. Уроки казались тоскливые, чем всегда. Однажды, дежура по клубу, Саша рисовал. Выда перемена. Ребята шумели в коридоре. Саша взял мел и написал на доске сложное интегральное уравнение. Звонко. Ребята с тиком ворвались в класс. «Иванюк, что это за абракадабра?» Он упрямо молчал. Волна учительница математики. Вот сейчас... Небрежный взгляд на доску: «Что дежурный, почему доска не подготовлена?» Рыжок — и сыплются из-под трафика обломки красивых формул. Так и надо — не лезь.

Может, написать кому-нибудь знаменитому ученому: «Что нужно делать, чтобы стать... математиком?» Да, не астрономом, это уже прошло, а именно математиком... Нет, не надо. Подумаешь, три книжки осилил! А может, бросить все к черту? Саша в отчаянии лезет под одеяло.

Он еще не знает, что под Новосибирском, в нескольких тысячах километров от их городка, в это время заседают ученые совет. Ученые спорят, предлагают, волнуются. Они думают о том, как помочь Саше из провинциального городка или Лосе из Чукотки стать коронными математиком, физиком, биологом. Как сохранить для науки их произвольное восприятие мира, способность видеть вещи с непривычной стороны, удивляться обыкновенному и понимать непонятное.

И вот вечерами, когда все мальчишки и девчонки, от Урала до Тихого океана, уже спят крепчайшим сном, в Академгородке молодые физики и знатоки математической логики, скинув выкладки, погружаются в странное затишье — прдумывают задачки-головоломки. Задачи забавные и вроде легкие, но в них подвох — в них вещи возвращаются необычной стороной: шевеля мозговыми извилинами!

В жизни каждого подростка наступает момент, когда ему необходимо, чтобы кто-то очень умный и очень знающий протянул ему руку и помог повернуть, что и на его долю осталось — прдумывать задачки-головоломки. Это именно исследование, прдумать подростке жажду научного поиска. К сожалению, далеко не всегда таким умным и знающим руководителем оказывается школьный учитель. На уроках ученики узнают о законах

О Н О

Ньютона, но не представляют, что имел в виду Эйштейн, фундаментально, но пунктирно разбирают классическую сущность законов Обломова и учат наизусть про его дышак и халат, однако очень и очень плохо знакомятся с писателем XX века, для которых в школьных программах места почти не оказалось. Наиболее любознательно (и школьникам старшего возраста) выразились безматематик, четких и... уставших программ и обучающихся, так сказать, помимо школы: слушают лекции ученым, читают учебно научные журналы, участвуют в дискуссиях о новых статьях... Учение с тресковой точностью о «постепенном» творении науки. Прежде всего математиком и физиком-теоретиком, чей творческий расцвет наступил очень рано — в двадцатилетнем возрасте. В последние времена этот «возрастной пик» значительно поднимался. Огромный, все возрастающий объем знаний, которые нужно усвоить до начала самостоятельной работы, «старики» ученики. И скоро, если следовать логике школьных программ, придется учить студентов еще до тридцати. Один физик-теоретик, грустно пожимаясь, говорил: «Я же еще ни черта не знаю об этом самом мире элементарных частиц. Учуся, стараюсь запомнить разбираться, а вы в отделе все учатся. Скоро, может, начнут работать...» Решенью нельзя, конечно, принимать дословно: у этого ученого несколько известных работ. Но есть в его словах горькая правда. Человек под тридцать, а ему действительно предстоит еще очень много узнавать, чтобы работать в полную силу. Вспомните, Эйштейн открыл теорию относительности в двадцать шесть лет, Гаусса назвали бессмертным тринадцатилетним, Абель доказал неразрешимость уравнений шестой степени в интервалах в двадцать три года.

На истинных знаниях на физическом факультете между абитуриентами и профессором нередко возникает такой диалог:
Профессор: Вы интересуетесь физикой?
Абитуриент (оспорительно): У меня их нет.
Профессор: Почему же горитесь, если знаете что-нибудь о квантах?
Абитуриент: Нет.
Профессор: А о Прейдери...
Абитуриент: Не знаю... Но прислушался...
Не правда ли, похоже на описанный М. Тиевом знакомый, ученический диалог короля Артура: «Умеете ли вы, ваше сиятельство, читать?» — Он еще незнаком с тем, что полагали и глупо выжидали: «Вы принимаете меня за вслампиника? Кривь, текущая в моих жилах, но нехотят...» «Отвечайте на вопросы! — Он подвинул свои гнет и ответил: «Нет...» «А нахек вы умеете?» — Он охотливо собрался обидеться, но и сказал: «Прощу отвечать только на вопросы и не говорить ничего лишнего... Умеете вы читать?» «Нет...» «Сколько будет девятью шестью?» «Это тайна, которую сообщает ее мне, ибо мне в разу в моей жизни не было у меня нужды познать ее, и не имея надобности познать ее, а ее не познали...»

Это было бы смешно, если бы не было грустно. В самом деле, высшая математика и квантовая механика развращают стрелем наступают на почва, вооруженного старым-добрым арифметическим аппаратом. Переходим 1944 года, переходим к учебнику и смутно вполусебя омовений и прозрений, в которой отчуждены все современники Шпанка. Драгоценные годы уходят на то, чтобы обидеть студента лезть, что ему полагало бы учиться за школьной партой, что же произошло с физикой в XX веке и чем занимались

математики, начиная хотя бы с Гаусса? Именно поэтому даже дипломника далеко не всегда удается выместить на периодные рубрики — все это кружится вокруг самостоятельного пути, он подсказ еще не знает, где искать новое.

О том, что школьные программы по физике, математике, химии требуют немедленного пересмотра, все время говорят педагоги, ученые, журналисты. Алгебраические методы, знакомство с электронной и революцией в физике XX века, начала молекулярной биологии — все это кружится вокруг самостоятельного пути, он подсказ еще не знает, где искать новое.

О том, что школьные программы по физике, математике, химии требуют немедленного пересмотра, все время говорят педагоги, ученые, журналисты. Алгебраические методы, знакомство с электронной и революцией в физике XX века, начала молекулярной биологии — все это кружится вокруг самостоятельного пути, он подсказ еще не знает, где искать новое.

Операция в Академгородке физико-математическое училище, академик М. А. Лаврентьев говорил: «Сближение науки с практикой дало толчок к ее стремительному развитию. Встал вопрос о научной школе. Сейчас нужно создавать не только вузы нового типа, нужна творческая работа в школе. Чем раньше начать учиться математике и физике, тем лучше... Что требуется от нас, коллег друга? Прежде всего уметь работать и любить работать. Это главное, без чего не может жить ученик...»

Говорит, кто-то из математиков становится: вот уже у нас старославные училища, а когда будут ломоносовские? Сибиряки создали первое ломоносовское. И это не просто интересный эксперимент — слишком много отдало ему сил и сердца — это богатая идея. Здесь ребята получают знания из первых рук. Плазмисты, кибернетики, биохимики шлоруют время, отрываются от формул, отсылают статьи зарубежному коллегам, давно задумавшему эксперименту, чтобы прочесть им лекцию. И, естественно, ученые принесут с собой свои неразрешенные сомнения, проблемы новых идей, свое сегодняшнее увлечение. Главное — вылезть вперёд, захватить молодых ребят и, может, аванта среди вышедших учеников отлучает помощники. Ведь работают в Институте ядерной физики в секторе теоретиков «выполнение» олимпиады младшеклассников. Волodia Мамин и доска классики Вера Гуманчик — участвуют в творческих секциях, анализируют сложнейшие релятивистские эффекты.

Через два-три года из училища выйдут юности и допустим, которые в свои семидцать лет будут знакомы с высшей математикой, современной физикой, исследовательской работой в нервославных лабораториях. И, что особенно важно, они будут знать, что значил ученого — это стремительный поиск, трудное, ежедневное творчество, мысль, неустанно пульсирующая мысль.

Я видела сына Николая — он весь ввечерен математик, но все еще сложна и может поверить, что на него по укороившемуся привычке подделывается под заданный номер. Профессор сказал: «Добывать знания сами». А в школе говорили: «Что не трогать, все ребята не поймаю».

Академгородок работает под девизом: «Нет ученого без учеников». Все учат и однокорпусно учатся. «Обязательно заводилась вопросы, чтобы ребята могли поговорить о математике, я нам тоже надо учиться...» Один из ведущих теоретиков ядерной физики, Рольд Сатдгов, декан физфака Новосибирского университета, начинавший отделе «кибернетический» в Академгородке читает и ученики высшую математику, и так же. Сибирское отделение академии как отделение трех китов: наука,

промышленность, подготовка другого смысла. Эти три звена, действуя друг на друга, взаимно усиливают — по закону обратной связи. Для училища даже просто благодарно.

Училище организовано как интернат. Основно будет готово специальное здание; в крыльях — спальни, посредине — столовая и классы, а в пристройках — актовый и спортивный залы. Рядом —коттеджи для преподавателей. Возле лес, сосны лежат здания и окна классов. Прямо с крыльца можно спуститься на лыжи. А летом и совсем раздельно.

На лекциях ребята сидят, затанов дышание. Они чувствуют свою ответственность — понасть в училище было тяжело; обзор наиболее способных и талантливых проходила в три тура.

Первый толчок дала Всесибирская физико-математическая олимпиада, захватывавшая многих школьников Галкина, Вилдосна, Магадана. Это было событием. Новосибирск оказался очень далеким и очень жарким. Второй тур прошел в больших городах. Там ребята встречались с молодыми учеными. Там много рассказывали, очень больше спрашивали. Но на третий тур пройти невозможно — двести пятьдесят человек. Летняя школа в Академгородке, встречи «по фонтанам» с крупнейшими учеными, защита физико-математических проектов, Обское море, уникальные лаборатории... Шестидесять пять парадно авторских победителей поступили в Новосибирский университет. Составили физико-математический факультет. В училище (нона даже сто тридцать человек, а будет вскоре четверста) оказались ребята из Якутска, Кяхты, далеких северных лес. Был случай — пришел в парток партен. «Мы отстуда?» — «Приехали училище...» «Отстуда?» «Из Рязани». «Так Рязань не Сибирь!». «Все равно, а буду стараться...» Преемляли из Сочи, Москвы, Свердловска и честно спрашивали на третьем туре. Задачи были трудными: дали их студентам-статорурикам — некоторые не решились. Восемнадцатилетний Боря Коалов поразил весь глубоким знанием физики. Хрупкую добичку усели на стол, напороза молодого доктора физико-математических наук. Дали очку один и те же задачи. Она решила значительно быстрее.

— Имен собранности... — устало объяснял журналистам Юрий Журавлев. Он тяжело пришло в те месяцы, устроителя прошлой олимпиады: Илья Крутилюк, Юрий Журавлев, Дале Гинбуруг, Севе Моисеев. Составить задачи, проверить ответы, читать лекции. Но ведь было достигнуто: всколыхнулась огромная масса школьников, вспыхнул интерес к самостоятельной мысли. Ученые впервые вышли за дело, и которые не сумели справиться школа, — поиск и выражение талантов. Причем, проводя олимпиаду, создавая училище, они не забывали: это только первый шаг к цели. Основатель физико-математического училища — изменение школьных программ. Чрезвычайно физико-математическая программа новых программ. Они стремились выйти в них свои любовь к науке, глубинный знания. Порой получалось слишком сложно и широко. Этот вопрос и сейчас стоит в центре внимания ученых. Изменили физико-математическое училище, очевидно, многое подкасают.

В маленькой «преподавательской» чашечке собираются ученики своего училища под руководством профессора А. А. Чуповина и члена-корреспондента АН СССР Д. В. Шарнова. Ученые утверждают курс специально приготовленных для ребят лекций, подбирают

24 АПРЕЛЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ СОЛИДАРНОСТИ МОЛОДЕЖИ ПРОТИВ КОЛОНИАЛИЗМА, ЗА МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

Выходит
один раз в месяц

№ 4 (36)

Того издания 44

АПРЕЛЬ 1963

МІХДУНАРОДНА ДІЯЛЬНІСТЬ МОЛОДІ

СОЛИДАРНОСТЬ МОЛОДЫХ СЕРДЕЦ

В наше время сверхзвуковых скоростей и сверхвысоких энергий судьбы отдельных людей беспредельны от судьб целых стран и народов. И пока существует империализм вместе с его бесчеловечной эксплуатацией и колониальными войнами, никто ни в каком уголке земли не может чувствовать себя в безопасности. Сознывая это, молодежь влияет все силы в несомненный поток антиимпериалистических, антиколониалистских выступлений в странах Азии, Африки, Латинской Америки.

Приветствуя эту борьбу, Всемирная Федерация демократической молодежи заявила добрую традицию отмечать 24 апреля как День международной солидарности молодежи против колониализма, империализма, расового сотрудничества. Эта дата устанавливается в честь заключенной в Женеве конференции 1955 года, явившейся важным этапом в борьбе народов за мир, мирное сосуществование, против империализма, колониализма, за завоевание и укрепление национальной независимости.

24 апреля 1963 года молодежь мира вновь будет требовать, чтобы огромные средства, которые капиталистическое правительство тратит на вооружение, на подавление национально-освободительного движения на подготовку войны, расходовались на благо тех, чьи руки прольют кровь все богатства. Повсюду в метрополиях идет борьба против капиталистической эксплуатации. И ошибается тот, кто думает, будто разные расы и народы, империализм, антифашизм Западной Германии и, наконец цели у партизан Анголы, антифашизм Западной Германии и, наконец молодых греков, требующих ассигнований на образование за счет снижения военных расходов. У них разные дороги, но цель одна — добиться прочного мира, подлинной демократии, уважения прав человека.

Всемирная федерация демократической молодежи решила провести 24 апреля массовые митинги, демонстрации протеста, кампания по сбору подписей, сбор средств в помощь свободолюбивым странам. Главным событием этого дня является массовая демонстрация молодежи против колониализма, империализма, расового сотрудничества. Молодежь во всем мире активно поддерживает молодых борцов за свободу. Африка и была особенно приветствовать их прелех. Сегодня перед молодежью Алжира и других молодых африканских стран стоит новая задача: добиваться достижения с помощью борьбы, помочь стране подняться экономически, отстаивать демократию.

МОЛОДЕЖЬ АЛЖИРА ПРИВЕТСТВУЕТ У СЕБЯ МОЛОДЕЖЬ МИРА

24 апреля станет днем первой международной демонстрации на территории нашей страны. Алжирская молодежь получит возможность встретиться с молодежью людей других стран, установить дружеские связи, узнать самим будет о жизни молодежи других стран, расширять пречные контакты с молодыми демократами всего мира. Эта демонстрация упрочит дружеские отношения и послужит объединению всех народов. Мы уверены, что в этот день, когда мы стоим на час тишины и испытаний и боремся, мы и постоянно подтверждаем ее в деле реконструкции страны.

24 апреля станет днем торжественных усилий мо-

родов Африки и других стран и будет особенно важным событием этого международного континента, все еще являющегося ланголом мучения для жаждящих рук захватчиков. Убедившись в собственной силе и зная, армянская молодежь, арабская молодежь, индийская молодежь, молодость колониализма, неоклониализма и всем видам эксплуатации.

24 апреля мы будем приветствовать отмену расовой дискриминации, отмену колониализма и выразим свою солидарность с народом борца на Южной Африке. В этот день мы хотим сказать вам, что отдал свое жизни, защищая независимость и свободу.

Альжир РАШИД (Альмер).

ВСТРЕЧА НА РЕЙДЕ

Иванов, или Оли. Назар, Ташкин, режущий глаза синей шталье, подстреливает, что появление наше заволакует. Визирь-Меридо вырвал день столицы из бланкетной режир и обмаранный материалю мол пазуривающего тентом. Над кораблем белой заставой в центре полотнового флага. В парусах — голубой томасово-оранжевый, она заперла — лихаческую форму и вооруженные расстреливающие нас на борту! Стояния принах, по-английски!

ИИ еванов, разбирает фототри-

ХОККЕЙ=МУ

Что такое современный хоккеист?

Это человек, умеющий стремительно бегать на коньках. Это человек, научившийся и совершенства владеть шайбой: останавливать ее, вести и молниеносно бросать по воротам. Это человек, способный подчинять свои действия интересам и замыслам коллектива, отличающийся «чуждою» тактикой...

Безопасно ко всему он обязан иметь «хоккейный» характер.

...Спортсмен набрал скорость, устремившись к воротам. На пути его тут же вырос соперник. Встал «стенной», ибо он не просто стремится отобрать шайбу, он своим телом преграждает форварду путь к цели. Как характерен для хоккея этот эпизод! Из сотен таких вот схваток — решительных и молниеносных — складывается хоккейная подвижка.

Такие схватки специалисты называют просто — «силовая борьба». Она разрешена хоккейными правилами. Без силовых приемов не обходится ни одно единоборство.

Помните, еще много лет назад мне довелось беседовать с известным нашим хоккеистом Всеволодом Боровым. Боров очень точно заметил:

— Хоккей не любит трусливых игроков так же, как не терпит тисокодов!

Потом, уже значительно позже, мы познакомились с знаменитым хоккеем, где мужество и силовая борьба поставлены во главу угла. В связи с этим мне вспоминается другой разговор — с знаменитой хоккейной звездой № 1, профессором Морисом Ришаром. Любителям сама внешность этого феноменального хоккеиста, Могучий, словно дуб. Но особенно выразительно лицо — приятное и волевое. Несколько шрамов, оставшихся в память о хоккейных «битвах», как бы подчеркивают в этом человеке решительность и мужество. Ришар сказал:

— Для хоккеиста самое важное — умение выдержать любое силовое единоборство, умение твердо стоять на ногах, как говорят у нас в Канаде.

Что же, отгадка очевидна, что и наш хоккей в последние годы стал предельно мужественным и волевым! По настоятельному самоотверженной игре продемонстрировали советские хоккеисты на последнем чемпионате мира в Стокгольме. Именно мужество принесло им успех! Конечно, мы до сих пор восхищаемся игрой героев «ветеранов» нашего хоккея Н. Сологубова, Г. Сидоренкова, И. Трегубова, А. Кучевского, Е. Бабича, Ю. Крылова. Но, право же, не менее самоотверженно играют сейчас Б. Майоров, В. Старшинов, А. Альматов, А. Рагулин, В. Юрзинов.

Итак, мужество — основная черта «хоккейного» характера. Современный хоккеист — это боец в полном смысле слова.

В ФРОЛОВ

Посмотрите на публикуемые нами снимки, и вы убедитесь, что каждое единоборство в хоккее — состязание нервов и мужества. Особенно это проявляется при борьбе за шайбу у борта [снимки 1—3]. Тут силы и выдержка — решающий фактор успеха!

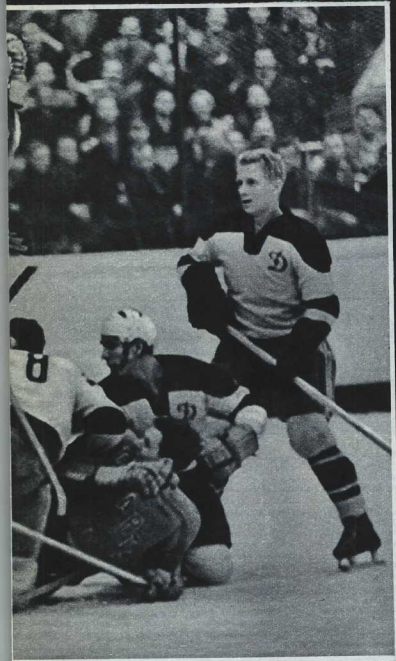
Мужество защитника состоит в том, чтобы смело, не страшась силы удара, встретить соперника корпусом. Вы видите, как умело «принял на беду» спартаковец А. Меньков нападающего «Локомотива» В. Козина [снимок 4]. И шайба — у защитника, Спартаковец В. Кузмин [снимок 5] благодаря неожиданным силовому приему не только отобрал шайбу у В. Цыпкалова («Локомотив»), но и сам стремительно перешел в контратаку!

Для нападающих мужество — это умение идти вперед, преодолевая живой заслон

ЖЕСТВО

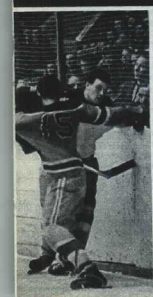
Фото А. БОЧИННА

противника, пробиваясь подчас сквозь груды тел. Сначала играет армеец И. Деконский [снимок 6], решительно отбросивший в сторону защитника. Нелегко приходится спартаковцу А. Кузнецову [снимок 7], но он все-таки выигрывает единоборство у динамовца М. Орлова.

И, пожалуй, образцом мужества могут служить действия спартаковской тройки (Б. Майоров — В. Старшинов — Е. Мазурок) во время матча с московским «Динамо» [снимок в центре]. В безумной свалке у ворот противника, где, казалось, невозможно даже найти шабду, Б. Майоров, бросившись вперед, сумел-таки протолкнуть ее сквозь груды тел в сетку ворот. Гол!

Да, хоккеи немислим без мужества, без силовых приемов. Оказались нервы крепче — и ты победила, спасовал перед соперником — и ты брошен на лед!

Радиоприемник-очки

Если эта девушка захочет послушать радио, ей не нужно спешить к приемнику. Достаточно включить радиочки. В их оправу вмонтированы крошечный приемник на полупроводниках. Он рассчитан на прием двух радиостанций. Если хотите пров�ать громкость, поверните выстукующую из оправы ручку. Для прослушивания программ есть миниатюрный переключатель. Обслуживается радиоприемник автоматически, едва вы снимаете очки.

Аппарат изготовлен на подмосковном заводе радиотехнической аппаратуры. Его создали инженеры В. Болгов и В. Троценко.

Для любителей подводных съемок

С миниатюрным киноаппаратом, который вы видите на этом снимке, можно отснять на дне реки, отсняв фильм о жизни в морских глубинах, запечатлеть бесстрашный труд водолазов или приемы пловца на тренировках в бассейне.

Камера, предназначенная для подводных киносъемок, сконструирована инженерами Татарского совнархоза на базе одной из самых миниатюрных отечественных съемочных кинокамер — «Экран». Камера, снабженная объективом «Триплет», имеет пружинный затвор, каскадную затворку, рассчитанна на съемку на пленочную обратную пленку. Дальномер, имеющийся в камере, позволяет производить как ускоренные, так и замедленные подводные съемки.

«ВОЛОВЬИ ДЕРБИ»

Мы привыкли слышать о конных скачках. Но слышать о скачках волов... Однако до недавнего времени они были очень популярны. Между вторым покосом уборки зерновых крестьяне Верхней Баварии собираются, чтобы показать езду воловых упряжек.

Поразки с воловыми парками из повозки сбивают и наблюдают бойкие крестьянские девушки.

Увы, техника все больше и больше вытесняет вола. Во время «воловых дерби» 1957 года было завалено на скачки только 12 животных. А в последний для «воловых дерби» год на празднике в одной альпийской деревне скачки проходили с волами, взятыми изпрокат... в Югославии.

А. ШЕГОЛЕВ

А. АБДУЛЛИН

лучших докторов-ученых, «утраивают» расписание, обсуждают кандидатуры руководителей кружков (кружок и лабораторий будет много, самых разных). Вопросы тема, дело новое, много еще спорного и неясного.

— У каждого ребенка — три кружка. Две три научные? Нет, один научный и обязательно эстетический и спортивный. Как быть с лабораторией? Три часа мало... Как организовать работу в лабораториях? Да, кстати, по-моему, ребята непременно должны участвовать в проведении второй олимпиады...

У магнитофона сидит молодой физик из алдерного института и вопрошает магнитную пленку: «За счет какой энергии поднимается эррозитат...». А названию Новосибирское радио обращается и собираются: «Выключите, ребята! Возьмите карандаши и бумагу. Переделем задачи первого тура Второй всеобщероссийской физико-математической олимпиады...». Летят телеграммы с Камчатка, Сахалина, Курилы: как печатать условия задач? В комнате комсомола регулярно собираются командиры групп: группы выедут на очный тур в разные города. Сабери. Снова неделя, месяцы кропотливого труда. И снова все будет, как в прошлом году, — одаренными открылся путь в науку: старшим — в университет и лабораторию, младшим — в училище.

Скопическое соревнование выигрывает более образованное общество. Это ясно. Нам нужно еще больше талантливых физиков, математиков, химиков. Об этом пишут и говорят и ученые и журналисты. А собираки уже доучились, что можно не только говорить.

Не досдавшись, пока рассказывается Академия педагогических наук, математика и физики, но не испуганные в педагогике, возглавив борьбу за творческую подготовку науч-

ной смены. И не удивительно, что в этой борьбе сразу наметился опасный крен: увеличился близкий их сердцу математикой и физикой, уменьше несовершенны гуманитарные науки.

«При чем тут, собственно, литература? Это ж физико-математическое училище. Литература, география — только обфий фон!» Такие реплики приходилось слышать в Академгородке.

«Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс!» — это слова Альберта Эйнштейна. Позже он как-то сказал: «В научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая музыка требуют одиородного видения действительности». Расковать воображение, истощить человека, дать ему эмоциональный толчок, необходимый для того, чтобы переагнуть за рамки сегодняшнего «разумно», — это одной математике или физике не под силу. Науку не устроит как филолог, ничто не смысливший о Пиллаке и Визере, так и математик, игнорирующий «Илиаду» с Оддиссеей. Односторонность, «философидность» всегда ограничивает горизонт и ослабляет зоркость зрения. Надо добиться, чтобы Саша Иванов, прочитавший институтский курс математики, непременно открыл для себя мир Пушкина и Бетховена, Врубеля и Паустовского.

И трудно удивляться от удивления: почему о талантливой смене заботится только физики и математики? А разве одаренные философы, историки, наковен, экономисты нам не нужны? Без них не обойдется ни одно общество, какой бы современной ни была его техническая оснащенность. Так почему же наши выдающиеся писатели, философы не присоединили свои усилия к усилиям физиков и математиков, борющихся за творческую подготовку ребят?

Литературные конкурсы среди учеников,

диспуты, встречи с писателями и художниками, сочинения на самые широкие темы, школьные литературные журналы и сборники стихов — это не только поможет отыскать ядлом с будущими Колерными будущими «Лермонтовых и Волгинских, но щедро обогатит и тех и других.

А о какой самостоятельности мышления может идти речь, когда в школе сейчас доволно типична такая ситуация! Ученники местного класса предлагают написать сочинение по репниким «Бурлакам». Дается обязательный план: роль фона в раскрытии идеи картины; эстетичный вид буряков: а) поза, б) одежда, в) лицо, г) отношение к труду. И еще подсказка: не менее глубокомысленную пункцию. За отступление от плана — в лучшем случае тройка...

Лучшекарский класс-то высказал интересную мысль: поколение, уславившая таковысчастливый опыт своих предшественников, вместо с ценностями воспринимать и муть, болелани. Здесь нужен фильтр. Таким фильтром может быть только школа пропускающая могучий поток знаний, она отстраняет все устаревшее, отжившее.

Вспоминая это сравнение, невольно задумаешься: когда фильтр засорится старой ветшью, он начивает плохо пропускать и поток свежего. Фильтр надо регулярно и основательно чистить. О шестертишке школы, об изменении программ в соответствии с современными уровнями человеческих знаний говорится и пишется много. Поэтапно решается проблема за дело. Ведь именно в школе могут и должны проявляться склонности и привязанности подростков к различным отраслям научной и технической деятельности. Так пусть же каждый урок будет для ребят открытием, учебник — дорогой в незнание. Тогда стремление к самостоятельности мышления, к творчеству будет появляться у подростков задолго до двадцати лет.

Поздним вечером 12 мая полковник Егоров получил сообщение о том, что немцы разведывают «Кейбл» с мая 1942 года. Довольно приземлился на одном из советских аэродромов. Пилотом машины был фельдфебель Густав Газе.

Егоров распорядился немедленно переправить летчика в Центр. Здесь оставленным микрофильмам занялись специалисты. Фильмы были запечатаны и автоуничуены, так, если кто-нибудь непосвященный попытается бы открыть их, они самоуничтожатся.

Когда необходимые разведывательные материалы были положены на столик Егорова, даже офицерам Центра пришлось немалую умильаться.

«Мейснер» прислал копии плана верховного командования вермахта, а также оперативные директивы для отдельных армий; из этих документов следовало, что гитлеровское командование решило еще до лета 1942 года окончательно овладеть Крымским полуостровом.

Гитлер приказал также деблокировать крупную группировку немецких войск, захваченных Советской Армией в «котел» в районе Демьска.

Эти сведения были добыты «Петерсом», «Арраром» и «Зауэрмом». Не считаясь с грозившей им опасностью, думая только об исполнении долга, эти люди предприняли огромную работу.

Теперь стало ясно, что после провала наступления под Москвой в штабе вермахта думали о новом направлении решающего удара. Между верховным командованием вермахта и ставкой Гитлера возникли значительные разногласия в том, должна ли быть целью этого нападения Москва или Канна. Гитлер настоял на Каннах и решил, что операции, имеющие целью окончательно разгромить Советскую Армию, будут развертываться на Юге.

Гитлер лелеял надежду, что в случае успеха операции русские лишатся главных источников нефти и что после захвата Кавказа немецкие авиасила прорвутся через Иран, захватят Индию и соединятся с японцами. А тогда уже нетрудно будет сломить и Турцию и вооруженному выступлению на стороне держав оси.

Изнач сведения, полученные как от «Мейснера», так и от разведывательных групп с территории Закавказья, гитлеровское командование пришло к выводу, что главной целью немалого наступления будет выход к Волге.

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА

А СЫ РАЗВЕДКИ

(Юношанье. Начало см. в №№ 5, 6 и 7)

ДИРЕКТОР ДЮПОН ИСЧЕЗАЕТ

В процессе подготовки операции против тайных передаточных станций в Голландии капитан Модель в конце июня 1942 года приехал в Париж и остановился в «Лютиция» — гостинице эвбера.

Будущее представляло огромные глаза Моделя уже в таком розовом цвете, как год назад.

Немецкие армии встречали на Восточном фронте все возрастающее сопротивление русских. В оккупированных странах участились случаи саботажа, усложнилось движение Спротивления, партизаны нападками на коммуникации подрывали снабжения и линии коммуникаций.

Операция финн-эвбера в Голландии не принесла ожидаемых результатов. Оперативными отрядами были ликвидированы три передатчика, но захватить удалось только одного радиста. Очевидно, остальные были вовремя предупреждены о приближающейся опасности. Бельгием вражеской разведки, которая, как он мог вочино убедиться, располагала прекрасной информацией.

Арестованный в Брюсселе радист, несмотря на пытки, держался на допросах стойко. Офицеры эвбера не смогли ничего узнать.

В «Лютиция» Моделя ждал доктор Ваут, прибывший по очень важному делу из Берлина.

Вауту удалось вынести, расшифровать несколько радиogramм, что человек, именовый псевдоним «Кейбл», был, вероятно, шефом бельгийской группы.

— Этот человек, — говорил Ваут, — как следует из расшифрованных текстов Брюссельской станции, великолепно информирован о многих делах, являющихся государственной тайной. Третий рейх, конечно, имеет на вас планы, но, конечно, о том, какое положение занимал этот человек или с кем он поддерживал контакты? — спросил Модель, почти не надеясь на положительный ответ: ведь вряд ли «Кейбл» лично представлялся доктору Вауту!

— Разумеется, не представляло, — ответил Ваут. — В радиogramмах он выступал всего лишь как «Кейбл», но, по моему мнению, должен занимать какое-то солидное положение, поскольку совершенно свободно разговаривал по Германии и другим странам. Так, в прошлом году он посетил Аугсбург, но затем, однако, с немцами он так встречался. Он располагает сведениями о строительстве Атлантического вала.

— В таком случае можно считать, что мы напали на его след. Генерал Цуффенхаузен должен знать этого человека! — воскликнул, вскакивая, Модель.

Генерал Цуффенхаузен нервно ходил по своему кабинету, когда двадцать долларов с прибавкой к нему Моделя и доктора Ваута. Генерал и тот день был в сверхном настроении. Фирма «Симликс» не выдержала сроков поставки материалов для строительства Атлантического вала, и на голову генерала обрушились громы и молнии. В достройку, пришедшие к поставке материалов для строительства завершения неприятности комиссии, позволяющая для строительства в Берлине, пришедшие к поставке материалов для строительства в Берлине, ответственность стандарт и обладает слабой прочностью.

— С какого времени фирма «Симликс» поставляет вам цемент? — поинтересовался один из членов комиссии.

— Уже около года, — пояснил генерал.

— Очень плохо! Если цемент был все время таким, то постро-

ние укрепления не выдержит огня и рассыплется после нескольких выстрелов. Это саботаж, — сказал член комиссии, испытующе глядя на Цуффенхаузен.

Генерал обиделся холодным тоном под эти пристальные взгляды. Неужели придется расправляться за те содеянные ватки и подвиги, которые он принимал от Дюпона, директора фирмы «Симликс»? Однако этого никто не мог знать. Может быть, Дюпон проболтался! Но генерал быстро отбросил это подозрение. Ведь мертвые молчат. Несколько дней тому назад были найдены жалкие остатки автомобиля Дюпона в большой бомбовой воронке на автомагистрали вблизи Антверпена. Вспомнил это, генерал почувствовал облегчение и приказал адъютанту просить обоих прибывших в кабинет.

— Чем могли быть повезан? — спросил он, когда Модель и Ваут вошли в кабинет.

— Мы из эвбера, — пояснил Модель. — Мы ищем человека, который имеет широкие связи в командованиях вермахта и в управлении строительства Атлантического вала. Этот человек — штион. Он передавал неприятно очень важные сведения, на основании которых мы можем сделать вывод, что он поддерживал связь с высшими особами из управления строительства Атлантического вала, а также с командованием оккупационными войсками в Бельгии. Не знаете ли вы, генерал, такого человека!

И Модель описал ему наружность тех двух «гастапохов», которые приходили и мадам Дартреуа, хозяйке виллы, в Моуленбек.

Генерал Цуффенхаузен призадумался. Приметы одного из этих людей прямо указывали на Дюпона. Генерал знал, что было бы опасно признаться в близком знакомстве с таким человеком, и сказал Моделю: — Вероятно, речь идет о бывшем директоре фирмы «Симликс». У него были служебные отношения со многими людьми здесь, в Брюсселе. Однако, к сожалению, мы опоздали: его уже нет в живых. Он погиб несколько дней назад. Этим делом занимался майор Мейер. Он, конечно, знаком вам. Я бы советовал получить информацию непосредственно от него.

Модель не оставалось ничего другого, как отправиться к Мейеру, хотя шеф Брюссельского отделения эвбера крайне неприятно и комично тех, кто вмешивался в дела, подпадающие его служебной компетенции.

Однако на сей раз Мейер принял их чрезвычайно любезно и обещал помочь в проведении дознания по делу Дюпона и фирмы «Симликс».

Ваут догадался, что таким образом эвберу удалось открыть связь и контакты Дюпона с Парижем, где тот часто бывал по делам фирмы. Смерть Дюпона в самом деле вырвала существенное звено в цепи следствия, но оба офицера не теряли надежды, что дознание по делу фирмы «Симликс» позволит им найти следы, которые вели к темной организации помещающейся в Париже, поскольку все широким с распоряжениями отдельным группам Берлина, Голландии и Бельгии исходили из Парижа и были подписаны «Мейснером». Многие из этих радиogramм были адресованы «Кейбту» — Дюпону.

Теперь уже Ваут и Модель не сомневались, что идут по верному следу! Нужно было только найти людей, с которыми Дюпон имел контакты в Париже.

Наконец в результате показаний служащих фирмы чиновникам абвера удалось узнать, что Дюпон поддерживал тесные отношения с лабораторией фирмы «Льер Ляросс и сыновья», которая также сотрудничала с вермахтом. Это известие очень обрадовало Ваута.

— Теперь они не уйдут от нас, — сказал он Моделю, когда за Бульварного доброго мозельского вина они обсудили ход следствия.

— Из чего вы заключаете, что фирма «Льер Ляросс и сыновья» имеет отношение к делу Дюпона? — спросил Модель.

— Сейчас я вас это объясню, — сказал Ваут. — Мы установили, что Дюпон часто выезжал в Париж. Радиогрифы, передаваемые в Париж со станции в Муленбаке, сообщают сроки вылетов «Аента» к «Жильбером». Эти даты совпадают с датами выездов Дюпона в Париж. Кроме того, парижские станции передают своему Центру в Советском Союзе сведения относительно Атлантического вала и расположения немецких войск на территории Франции. Информационного подобного рода мог располагать только человек, поддерживающий отношения с нашими властями в оккупированной Франции и пользующийся их полными доверием. Если Дюпон поддерживал контакты с фирмой «Льер Ляросс и сыновья» в Париже, то весьма возможно, что «Жильбер» является служащим этой фирмы.

Мейер согласился с выводами Ваута. Предстояло установить наблюдение за этой фирмой и одновременно тайно продолжать в Париже пеленгование подпольных радиостанций.

По поручению самого Канариса Бенитински потрогал как можно скорее закончить операцию против советской разведывательной сети. Положение на Восточном фронте обострилось. Продвижение группы армий «Юг» было задержано русскими на линии Волги. В этом районе шли тяжелые бои. Советские части то и дело переходили в зрелые контратаки.

Модель и Ваут возвратились в Берлин. Следствие в Брюсселе оканчивалось все-таки менее плодотворным, чем они ожидали.

Однако и полученных данных было достаточно, чтобы начать расследование по делу «Карро». В радиогрифах советских передатчиков упоминались, кроме того, псевдонимы «Петерс», «Заур», «Юахим», «Адюнонт», но офицерам абвера и чиновникам гестапо никак не удавалось выяснить, какие же именно люди крились под этими псевдонимами.

Следствие по делу «Карро» было поручено гестапо. Оберштурмбанфиорер Гопф проводил расследование с типично немецкой педантичностью, не торопясь и не давая себе сбить с истинного пути разными предположениями, которые выдвигали его сотрудники. На основании материалов абвера Гопф установил, что «Карро» должен занимать высокое положение в каком-то военном учреждении. Из содержания донесенной следовало, что этим учреждением может быть либо верховное командование вермахта, либо министерство авиации, либо комитет по делам стратегического сырья и военной экономики, который с 1939 года существовал при верховном командовании вермахта.

Чиновники гестапо, подчиненные Гопфа, вели в этих учреждениях тайные расследования, пытались узнать, кто мог располагать материалами подобного содержания, составляющими государственную тайну. Следствие продолжалось три месяца и наконец принесло неожиданные удачные результаты. Документы того же содержания, что и донесения, подписанные «Карро», могли находиться только в ведении нескольких определенных людей.

Установив этот факт, Гопф распорядился, чтобы ему доставили подробные личные дела этих лиц. В их числе оказались три генерала, один полковник, два капитана и один майор.

Проженировав их дела, Гопф просмотрел персональные карточки службы безопасности и пришел к выводу, что виновником был капитан, служивший в комитете по делам стратегического сырья.

В недавнем прошлом этот человек придерживался крайне левых

взглядов, и его считали врагом нацистской Германии. После 1934 года он перестал принимать участие в политической жизни и, как это можно было заключить из разных доносов и секретных материалов, начал даже симпатизировать гитлеровскому движению.

Но Гопф знал теперь: это была только игра! Наблюдения, которые велись по приказу Гопфа чиновниками гестапо, подтвердили предположение оберштурмбанфиорера.

Настоящая фамилия «Карро» была Шультц-Бюссон. Капитана арестовали. Его пытали, но он ни в чем не сознался. Оберштурмбанфиорер Гопф был совершенно бесстрашен перед молчаливой враждебностью и ненавистью этого человека.

— Так мы никогда не закончим это дело, — сказал Гопф в отчаянии Моделю. — Мы будем выщипывать отдельные зерна, но никогда и как в руки не попадет вся цинца.

Модель знал «слабость» Гопфа ко всякого рода сравнениям, хотя он не всегда ему удавался. Разгром советской разведывательной сети опять остановился на мертвой точке.

ОПЕРАЦИЯ «ПРИЗРАК»

Наступило 25 сентября 1942 года.

В этот день «Жильбер» несколько ранее обычного закончил работу в фирме и ушелся в свой секретный кабинет. Он чувствовал, что

над всей организацией нависла большая опасность. Информации, полученные из Берлина от особо законспирированного агента, подтверждали, что Гестапо и Абвер приступили к решающей акции против организации «Жильбер». Да и другие власти из Берлина были неутохтительно активны. Гестапо арестовало «жаров» и нескольких его сотрудников. И хотя они ни в чем не сознались, материалы следствия были переданы военному суду, председателем которого был полковник военно-воздушных сил Розенберг. Через несколько дней должны были вынести приговор по их делу. У «Жильбера» не было сомнений, что его верные друзья будут казнены, и ничего, теперь уже решительно ничего, нельзя было предпринять для их освобождения.

А организация должна работать, невзирая на все опасности, до полной победы над Гитлером. После выезда из Брюсселя и инсценировки своей смерти «Дюпон» действовал теперь под именем Алонсо де Парентс. С паспортом на имя гражданина одной из южноамериканских стран он создал на территории второй резервной сети связи. Сем «Жильбер» тоже собирались перебраться в Швейцарию или в одну из балканских стран, оккупированных немцами.

Слово вошел внезапно, прервав глубокое раздумье «Жильбера». Секретарь был очень взволнован.

— Что-нибудь случилось? — Пошла выезда из Брюсселя и инсценировки своей смерти «Дюпон» действовал теперь под именем Алонсо де Парентс. С паспортом на имя гражданина одной из южноамериканских стран он создал на территории второй резервной сети связи. Сем «Жильбер» тоже собирались перебраться в Швейцарию или в одну из балканских стран, оккупированных немцами.

— Да — Быстро ответила Сюзетт — Сотрудники сообщили, что за нами наблюдают какие-то подозрительные люди. Некоторые из них ширяют поблизости от нашей фирмы.

— Я ждал этого, — спокойно сказал «Жильбер». — Сегодня ликвидируем нашу главную сеть и перенесем ее в другое место. Работать придется резервная сеть. Меня интересует только, в чем слабый пункт нашей системы связи. Сколько у нас теперь станций?

— Слово на минуту задула.

— Сороск всемоги, из них работает сегодня двадцать четыре, остальные находятся в резерве. Таким образом, мы имеем восемь действующих групп связи, причем одна из них всегда работает в одно и то же время и на одном и том же шифре.

— В этом-то и ошибка! Как работает «Заурро» в последнее время? — Очень хорошо. Ему удалось достичь документацию, а также технические чертежи по производству нового истребителя, о котором мы уже сообщили Центру несколько месяцев назад. Он должен развить скорость двадцать километров в час. Уже изготовлены прототипы двух новых реактивных самолетов. Они должны быть приняты на вооружение в 1944 году.

— Сведения, присланные «Заурро», имели очень большое значение, и «Жильбер» приказал тотчас же передать их Центру, пользуясь резервной станцией, укрытой неподалеку от Парика.

Одновременно Сюзетт делала из подвешенных в тайном кабинете новой системы связи с целью дезориентировать противника и его поисковые и геоинженерские станции. Разведчики стали использовать также и новые образцы шифров.

Обсудив дела перестройки всей разведывательной сети, «Жильбер» уничтожил документы и подожгивших в тайном кабинете, прочитав с Сюзетт, договорившись о встрече через несколько дней в усиленном месте, сел за радиоприемник и собственноручно передал в АФР последнее донесение:

«Вся А КФР «Жильбер» и «Директор».

Состояния тревоги 2. Перехожу к операции «Призрак».

Связь — 15 октября 22.00 на волне 17,42 метра».

Он дождался подтверждения принятия шифровки Центром, включил аппаратуру, привал в действия самоуничтоживший механизм и, выйдя через боковой выход в соседний двор, покинул свой кабинет. Двумя днями позже в здании фирмы «Йер Лярус» и сыновьям прибыли гестаповцы.

Повсюду уже было пусто.

ЭПИЛОГ

30 января 1943 года полковник Егоров встретился с Соловьевым. Они не виделись уже несколько недель.

Машина шла по берегу Волги, справа виднелись дымящиеся руины города-героя.

Костюмные елки были слышны выстрелы го защищающиеся малые остатки армии Паулоса.

— Ведь это победа, Николай Петрович! — сказал полковник Егоров. — Да еще какал.

— Какие вести от «Жильбера»? — спросил Соловьев.

— Какой от «Жильбера»? — ступил полковник. — Такой же, как и выйдут де Бражелон. Из Келгуи он... — И, помолчав, добавил: — Что с ним! Порядок! Сейчас в Германии. Постоянно передает очень важную информацию.

— А «Кент»? — Как раз о нем-то и хотел вам рассказать. — Егоров хитро прищурился. — Гестаповцам удалось все-таки накрыть его. Приволокли к себе, посадили в камеру. А через три дня он исчез. Почти невероятная история. Одним словом, молодец! Теперь на Балканах. Скоро там большие дела начнутся.

— Коенд войны теперь не за горами, — велео сказал Соловьев. — Все это, как так самоотверженно работает сейчас для победы в тылу врага, вернутся домой. И мы скажем им, безвестным пока героям, большое русское спасибо.

Со стороны городов порывистый ветер гнал снег и доносил слабозвучающие звуки стирки.

Через два дня армия Паулоса капитулировала. Для всего мира начинался первый год Великой Победы.

Перевела с польского Елена ЧАЙКА.

Егор ПОЛЯНСКИЙ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Вдруг стал светлей и шире город,
от солнца ярче, и калям приносят за ворот
с деревьев,
с крыш!
Морянка стужи-перестуки,
и на глаза
худеют толстые сосульки,
сорвется — трах!
Авгеньями ветвей увита,
воглот взлетит
ракетой дымчатой ракета
в пустой зенит!
Я в чехе вхожу сегодня в копке,
и на верстах
и ставлю в жемчгах точки ветки —
тугой няня.
Чтоб в ярких солнечных накрапах
под гуа работ
нас напоила вымывший запах:

Петр ВЕГИМ

ПОЕЗДА ПО УТРАМ

В. СКОРЯТНУ.

Поезда по утрам, Вырастают из трав семафоры Поезда по утрам, знаю каждый Вам встречу бегу.	Только-только светает. цветами маршрут. Вам рукою машу.	не смогу познать твое Моё сердце настроено на твою на высокую ту, чистоту!
Поезда по утрам, и опять к чужой насыпи мне, и лежать де дышать и смежиж покрасневшие слушать ваши колеса —	вам вадан пропадать, припадать, лечи, сердцебиение века.	Нетерпение ваше стало моим. Вам будить меня, словно малому Мне перечить тайге, неуютной, как мачеха.
Век бешеных скоростей, век высоких костров на снегу,	и по вашим колесам свое сердце опять поверять...	

* * *

Накурево в вагоне, жарко.
От разговоров гуа стонит.
Девочки сидят полушалаши.
— Садиш, оч, руженьки садити!

Они намялись,
намялись,
ивонья в шпалах косяками.
Где сонки,
как сломы,
громядиась,

ониodoro проведи!
И сосны, сосны корабельные
вас и удавливать стоят...

Поют колеса комальбуно,
поют, баявоют девчата.
И тошенькая, в синем платке,
мае —

вог жу не было заботы —
мне по плечо совсем нехватит
девочка голову какает.
Наскати.

Ведь и я до вечера
прокадываю с бригадой путь.
Мне б тоже на плечо довершию
и несколько мнуту вздремнуть.

Вздремнуть...
И яду соседа слава,
подруги поддержка пример,
скокляна на плечо белава.

А поезд сквоз тайгу летел.
И мне припомнилось, что утром,
в мужские саногы обутым,
ни вновь трагисте обратным

рейсом,
в вагоне танцы учили,
и вновь, опережая графика,
подруги поддержка пример,
скокляна на плечо белава.

Летели мимо полустанки.
Свисали с полок полушалахи,
колеса стужали на стужах,
молва привычный бормола.

В пригородном вагоне жарком
девчата спали.
И мне жалко —
призваться честно —
было жалко,
что у меня лишь два плеча.

ВЕЛИКОЕ ПОСРЕДСТВО

Имя молодого азербайджанского художника Таира Салахова приобрело большую популярность в последние три-четыре года. Его живопись знают не только у нас в стране. Англия, Венгрия, Польша, Франция, Югославия, Италия — вот далеко не полный перечень стран, где экспонировались работы Т. Салахова. А ведь еще не так давно было время, когда имя и фамилия художника значились не под большинством живописных картин, а только под рисунками для стихотворческого журнала «Ирриги» («Жизнь»), издаваемого в республике. Тогда Таир учился в Азербайджанском государственном художественном училище имени А. Азимзاده, где получил первые профессиональные навыки. Окончив училище в 1951 году, Салахов поступает в Московский художественный институт имени Сурикова. Будучи студентом, Т. Салахов постоянно демонстрирует свои работы на всевозможных выставках. Уже в ученических работах четко определяются темы творчества Салахова. Индустриальный Каспий, стили, если можно так сказать, фронтм оп искусства Т. Са-

лахова. В будничном мире эстакад, нефтяных резервуаров, цистерн художник увидел могучую красоту. И все же, если говорить о содержании его работ, главное в них — рассказы о современнике. Что бы ни изображал художник, основное в его живописи — человек. Салахов предпочитает показывать своего героя в момент наибольшего душевного напряжения.

Эти художественные принципы оправдались, в самом начале творческого пути молодого живописца. Этим принципом Салахов не изменяет и по сей день. В наших заметках мы расскажем о трех произведениях Таира Салахова, которые, на наш взгляд, наиболее полно определяют творческое лицо художника.

«УТРЕННИЙ ЗШЕЛОН»

Этот индустриальный пейзаж прост и непритязателен по сюжету, композиционному цветовому решению. Все в картине направлено и одной цели: наиболее полно, без лишней детализации раскрыть основной замысел произведения.

Посмотрите на эту картину. Через железобетонный мост, виснувший над широкой лентой бетонной автострады, проносится «товарник» — эшелон с нефтяными цистернами. Ищется первый утренний эшелон! И как подчеркнута, оттенена, дополнена

эшелон — это первое утро утреннего эшелона воспринимается идущая под мостом грузовая машина, ведущая огромные трубы на промисль, где добывается та драгоценная жидкость, что тяжелыми волнами переставляется сейчас от стены и стене в этих цистернах.

Глядя на картину, видишь, что в ней нет ничего лишнего, нет случайных деталей. Счастливо избежав шаблонных прозаизмов, так называемых «индустриальных пейзажей», Салахов создал поэтическую картину утра трудового дня большого промышленного города. Но содержание ее значительно шире. Она раскрывает характернейшие черты нашей социалистической действительности через внешние, на первый взгляд, казалось бы, ничем не примечательные, будничные явления, позволяет почувствовать напряженный трудовой ритм нашей жизни. В этом главный смысл картины.

«РЕМОНТНИКИ»

В этой картине сразу же привлекают внимание трос нефтяников, дающие художнику «весомое, грубое, зримое». Суровые и мускулистые лица влекут какой-то тайной, скрытой в глубине глаз.

Я не стану подробно рассказывать картину — она перед вами говорит сама о себе. Но мне

замечется, каждый, кто будет всматриваться в лица этих троих людей, задумается об их судьбе, о том, что скрыто за картиной. Особенно характерен эшелон, сидящий в центре. Мне он представляется одним из тех людей, которые прощались от Москвы до Вершины, вынесли на своих плечах труднейшие испытания первых послевойенных лет и сегодня все еще продолжают находиться на самых трудных участках. Борьба — борьба за нефтяную семитую тонну — это та, что наиболее трудно.

Можно было бы рассказать и о двух других героях картины, — их внешность настолько ярко очерчен художником, что за ним легко прочесть и их судьбу. Но главное не в этом.

Все они разные — разные поноления, разные судьбы, разные характеры. Но почему так органически именно воспринимается эти троих? Что роднит их?

Вне всякого сомнения это историчность и их взаимодействие, разлитые по всей картине тревожная розово-желтая полоса горизонта, тревожные холодные волны моря, тревожен и взгляд людей. Все это ведет на основную мысль произведения. В самом деле, взгляните на картину внимательнее, задумайтесь, не смеется. Это не случайные люди. В бригаде ремонтников, направляющихся на дальнюю буровую в море, где нужны срочные специалисты — их помощь, где случится, что-то серьезное.

Ремонтники — это романтичная поэма. Ее живописный язык и изобразительные средства лаконичны и выразительны, все подчинено главной задаче: показать, как тяжелой чертой нашей жизни и нашей судьбы.

«ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА КАРА КАРАЕВА»

Эта работа Салахова интересна прежде всего тем, что изображены женщина и мелочник, и его делу, увлечению, работе, транслирующей в его внутренний мир.

Не приходится говорить, насколько выразительны средства Караяева. В сосредоточенной позе женщины и мелочника, в росте, в расставлении плечей, в повороте головы передатчик тонкой неуловимой интонации, наконец дается фраза, которая готова вот-вот лечь в нотную тетрадь. Мы как будто становимся свидетелями творческого процесса, творческой победы. Это чувствуется в первую очередь в картине. И только поэзия способна выдать, что предметно изображено на картине: сильный, волевой профиль умного лица, куртые линии фигуры в лосином облегающем белом свитере, прозрачная, чистая, самая тишина утра в комнате. Глядя на картину внимательно, мы начинаем понимать, что только это лаконичное решение, присущее, как мы видели, и другим работам Салахова, позволило так четко очертить полный экранный силуэт сидящего Караяева, передать внутреннее творческое напряжение. В картине есть драматический тон и сдержанность, потому, быть может, она так недаром высоко и передана ясно, говорит о сложном, мучительно трудном, но возвышенном счастье творчества.

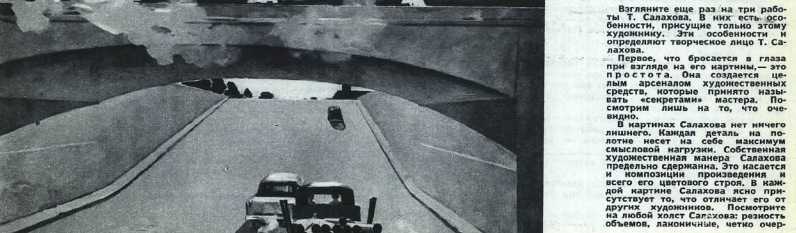
«СЕКРЕТЫ» ХУДОЖНИКА

Взгляните еще раз на три работы Т. Салахова. В них есть определенность, присущая только этому художнику. Эти особенности и определяют творческое лицо Т. Салахова.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на его картины, — это простота. Она создается целым арсеналом художественных средств, которые принято называть «языком мастера». Поглядите лишь на то, что он выводит.

В картинах Салахова нет ничего лишнего. Каждая деталь на полотне несет своим смысловую нагрузку. Собственная художественная манера Салахова превращает современника. Это касается и композиции произведения и всего его цветового строя. В каждой картине Салахова ясно присутствует то, что отбрасывает его от других художников. Посмотрите на любой холст Салахова: заметна обьемная, лаконичная, четко очер-

УТРЕННИЙ ЗШЕЛОН.

ченные, контрастные плоскости цвета, строгая декоративность. Что бы ни писал Салахов — картину о Балинских нефтяниках, индустриальный пейзаж или портрет композитора, — эти особенности его живописи создают монументальный мужественный образ. И в этом, как нам кажется, главная отличительная черта и прелесть живописи Т. Салахова.

Оставив в стороне художественную «узнако» Салахова, можно увидеть, что путь и максимальной выразительности идет у художни-

на через простоту. И, что самое главное, простота у Салахова не цель, а средство. В самом деле, это не упрощенчество и не примитивизм, многим доступные, но всем одинаково не интересные. Это подлинная простота мастера. Я видел, как работает Т. Салахов, и понял, что к таким высоким результатам ведет незыблемый принцип его труда — отбор и поиск. Только тогда приходит в искусство то единственное, ради которого стоит работать.

Ф. ДАВИДОВ

ПОРТРЕТ КОМПОЗИТОРА КАРА КАРАЕВА.

РЕМОНТНИКИ.

Г И М Н О ВЕЛОСИСТЕ

Андрей ГУДИМОВ

РАССКАЗ

о утрам багряное солнце бьет в сосны горячими струями, греет море и глыбы гледа, а к полудню величественно задымляется о промальной работе. В этот полуденный час так невыразимо спокойно, так молчат горизонты, что даже облака не смеют двигаться.

Тихо покачиваются сосны. Море садко пахнет водорослями, солью. Зеленая ель и сивь небес. Дни поаны прозрачны. Лени. Косица сидит недвижно стоит у берегов. А по ночам ползут волны похуже за шлюбу. Тогда слышны влоды амаке в море и стоат так до утра. Им виден огонек в доме старто капитана Яника. Звезды, амакс, покачиваются у тровыхих оленых бокс.

Это берет ятаря. Здесь дочь Яника Элада собирает кусочки Древней, застывшей смолы, выжженной морем. Яник помнит ятаря, и в нем становится видны тонкие стрелы и сплывшие комары. Опыр-пластыла крахля, их глаза открыты, они как живые. Только они выданы в смолу тридцатно лет назад. Проступит еще море веков, а они все будут смотреть сквозь стены ятарных гробниц на странной, изменчивый мир.

...Юджин проснулся рано. Луна низко стояла над лесом. Похлынул ээр. Смышался ровный гул моря. Парень умалса, привалва к велосипеду товора и сумку с сузалями. Выпша за ворота и с ветерком поехка по затравившей тропинке.

На полах уже работали рыны карштору, и земал была розовой от клубней—столько уродом! Юджин узнавал, кидал бугу. Он родился и вырос здесь, потом ехал в поисках неизвестного. Теперь вернулся домой, через шесть лет, росам, возмужавши, с заметными сединами на висках.

Веломакс бежал ровню; порой казалась, что кто-то слымовой рукой подталкивает его сзади: таким легким был его ход, он взбирался на крутые пригоры, пошывавые передним колесом; мчялся, как сорвавшийся с привязи, под гору: замедлял свой ход перед выбоянами, осторожно перебежал их и охотно зетвела всевою гору с соснами, оббежвая их изгибами. Ему не тузила нижеже адрогит, тридцатой, как олень, он мог ехат и над пропастью по узкой и опасной тропке.

Веломакс когда-то привез из города отец Эмарта, товарища Юджина. Эмарт, Элада и Юджин в детстве садили на него ятром. Выгибел, скривил спинами, веломакс поворно сидела на себе безжалостных сорванцов. Эмарт давал им замалса о Юджина, бойкой и бесстрашней Юджин, сидела на бегачинке и с величанием смущением отводила глаза от светлых волос смеющейся Элады. Часто они на всем ходу направляли посушоую машину в море, сами со смехом завалили в волны, а веломакс терпеливо ехал в воде, и рыбки обоживали его синою резину и никкаропанную сталь.

Отец Эмарта первым вступил в колоз. Эмарт стал комсомольским вожаком. И вот однажды он поехка на свидание с шестидесятилетней Эладой, украсив веломакс букетами лесных цветов. Туповый, инстинктивный жест велел Юджину встать на колени, а веломакс, скачками погнался за веломаксом и через стои метров нырнул в море. Эмарт лежал, облившись кровью. Вокруг на песке вывалили цветы, словно убитый уже был убит для последнего разставания.

Словно немелса веломакс с искорженной рамой, дергая лапки и педали, как земелья куколка, в воде, и рыбки обоживали его синою резину и никкаропанную сталь.

Ис машины вылезли бородатые в палцах амакс, осмотрев тело юноши. Один шуа сарожал в серебряные ребра веломакса—спины выветы и долго сидели в агони. Убейте похуже, стрелы!

Юджин на руках принес разбитый веломакс, любовно отремонтничировал его, выкрасил в красный цвет и приехал к отцу Эмарта. Отец задумал и попросил Юджина оставить веломакс у себя. Юджин поблагодарил старика и вернулся домой на веломаксе. Тогда он работал ассистентом и ездил на нем на работу. И по-прежнему веломакс, словно прирученный конь, подвезал к дому Яника. Одажды веломакс оставил мать, топор, веломакс и уехал странствовать. Тени Джамса Кука, Ровалда Амундаса, Микшау-Макая вели его по тяжким дорогам к дальним берегам. Берега были серые, глинистые и скальные. На одном из них—у Скалина—он сошла и работала на стройке. Теперь вернулся домой.

Дом матери обветшала, и вот Юджин едет нурбуть лесу для ремонта.

Конечно, он отит, как шесть лет назад, сверху к старому капитану Янику, выкурить трубку. Ему оторвала Элада. Юджин нехолодо подал ей руку и слышком постожно поднялся к капитану. Яник обнял его. Стел распривавил о дальних краях. И парен, как водитса в таких случаях, рассказывал, саета приурачивавая, о горестях и радостях койкой жизни, с волнением осматрив о знакомые с детства странные комасы, голубые выюнки и модаль адрогит трескающей британицы.

Элада тоже слушала. Ее глаза стали влажными. Она с завистью смотрела на Юджина, а когда прожовала его до калитки, робко позвонила звонком веломакса. Сразу вспомнилось детство. Счастье и грусть. Садка, прехекту—прядожелю Юджин. Но Элада отбывалась.

Он вана матерее сосне ствдвенно ему асевички. Яник обнял его, когда солонечное кружево дрожало на изумрудном мжу, ед суухи, макал их в ручьи. Присматривалса к бегущей воде, видал в ней иди Элады. И снова бралса за топор.

Вечером, воспаривая, он бросил руку и прикира глаза там, где дороги расходятся—одна правая, другая тувэ вале, к дому Яника. Открыв глаза, Юджин радостно стивнул: веломакс катил к Эладе.

Он усудани его уживат. Старик пригласил Юджина сидеть в море за руль. Юджин охотно согласился, зная, что и Элада не простипит такой ситуации: она ведь отдала ему асевички.

К ночи хлынула дождь, подал ветер. Несмотря на угрозы капитана, Юджин решил ехать домой. Элада вынесла ему беспрестанно. Выспухлая форма. В луч света летели косые струи дождя. По лесной дорожке немелса полог. Веломакс двинулса вперед. Поверившие столам собен раступились перед изживой огневомоловой машинкой.

Он выехка на шоссе. Навстречу шла «Волга», заливая двумя столбами света дорогу. По правилам машинка должна была дождаться свет, оставив только подфарники, чтобы веломаксидет видала дорогу. Водитель не выключил фар. Более того, на большой скорости ехал по «мушк» стороне шоссе, пригравывая Юджина в követ. В последний момент веломаксидет ветрко выехкал вбос.

Встав из канавы и полнив веломакс, мокрый Юджин вытер с лица грязь и зло выпругался. Еще секунда—и он был бы раздавлен. Все же водитела он успел заметить—молодой, в макинтоше, стрижен бобриком, лещ полог, круглое.

Юджин по пути сверху к скальному клубу. Грязная вода стекала с его одежде, он стоял на улице и смотрел в окно на тупежорку.

Подкатила «Волга». Кулаки Юджина потяжелели от невязности. Он пошел к машине. Открылись дверца, и резко, словно вырвавшись, выскочила Элада. За ней торопливо вышела хорошо одетый высокий парень.

— Познакомса, Юджин, это Арвид,—вспыхнул, сказала Элада. Юджин отнернулся, молча толкнул веломакс и на ходу вскочил в седло.

Автом назначенный Яником, поехка, Юджин подкатил к дому капитана и резко затормозил. Но уже позадю: от «Волги» отбавлялись Арвид и Элада. Яник возлился с сетями. Оттуда глаза, молодые люди поадропировали.

Бросили в шалую сеть, мешки с халбом, фляги с пивом и водой. Юджин и Яник сели в одну шалуюку. Арвид и Элада—в другую. Юджин намет на вела и задумалса об Эладе. Он думал о том, что ее, должно быть, томил донаслое жизни в этом заброшенном уголке эстонского побережья. Радио доносило музыку иной жизни—больших строк, городов, театров, стадионов. А она здесь, так зимой замерзает море, слышам зашнот лес и холодо поблещивает одажково звездами.

К полудню берега скривились. Вокруг сияло море, было слышно, как рыбаки. Яник и Юджин курили, отадылка. Старик сказа Юджину, что у него сейчас и радость и горе. Радость, что Элада пристравиваетса—он так и сквела—к хорошему человеку. Горе—от предстоящей разлуки с дочерью.

— Чем же он хорон?—спросил Юджин.

Старик задумалса. Юджин ждал.

— Арвид—инженер, у него хорошая квартира, достаток. Элада будет счастлива. У нее нежные руки. Она не смежит твоит сетии... Она ведь училса.

— Старая у тебя завкасса, дядя Яник,—невесело засмеялся Юджин.—Я не думаю, что Элада выйдет замуж, чтобы уехать в город. Она, конечно, любит его.

— Нет, любовь и мы, старики, звалим. Мать Элады у укара в шторм из-под вены в эстонской деревне. За нами гонимы, но мы были молоды и любима друг друга, и наш парус был голыше. Эладу тынет в город. Ты же уеша от нас... Смотри!—адрг вытнула руку капитана.

Торосник на задке тревожно поперел.

— Бужет шторм!—зависла за сеть стивки.

— Часов через шесть подойдет,—ответил Юджин.

Начался ветер. Небо стало серым. Яник длетал калячь облаком. Вопреки ожиданиям уже через три часа море бумвело.

Возвратившись назад, было позадю. Яник решил идти к ближайшему

Рисунок Г. ТОМДЗЕ

берегу. В нескольких метрах от него стоял волнолом. И шапки успели прибиться к нему.

Гранитная четырехметровая стена приняла на себя пугливые удары моря. Испытывала мяк. Рыбки прожались по волнолому у самых ревущих валов к бынье мякя — она оказалась запретой. Пронизывающий ветер с дождем грозил сдууть людей со степи. Потом волны стали перекатываться через гранит, и Яник крикнул:

— Идем к берегу!

Славы распределили поровну: капитан с дочерью, Юджин с Арвидом. Быстро темнело. Стерик пропустил девятый вал, толкнул шапку на грёбень следующего и исчез с Эльдой в ревущем мраке.

Юджин сел на весла, Арвид на руль. Тут же шапка чуть не захлебнулась. Юджин свернула глазами. Но Арвид не мог, не умел вести шапку: ведь он не был моряком. Поменился местами. Теперь шла ровнее, если можно назвать ровным полетом в небо и в бездну, а небо и в бездну...

Море и небо смеялись. Вода снизу, сверху, сбоку. По временам вспыхивал огонек, потом исчезал. Прошел час, другой. Берега не было. Мокрые, дрожащие от усталости парни выбивались из сил. Юджин держал руль и помогал Арvidу грести третьим веслом.

Арvidу показалось, что они плывут в открытом море. Пронесла еще час. Шторм не утихал. Вдруг Арвид бросил весла. Руки его онемели, и он правой кое-как подтянул левую на колесо.

Юджин смотрел молча.

— Не моту! — повял от крик Арvida в свисте ветра.

— Гребли!

— Нет! — хватал воздух в потоках воды парен.

— Гребли!

Арвид закрыла лицо руками, не отвечал. Юджин шагнул к нему, стал грести ладью на плечи, уговаривать и успокаивать. Арвид не сопротивлялся, но весла не брал. Он сломился.

— Какой смысл... бормотал он. — Все равно...

Тогда Юджин схватила весла и замаяхулся.

Арвид отшатнулся, закричала и начала грести.

Волны как будто уменьшились. Неожиданно прорезали в камыш. Мелькнули огни. Яник, Эльда, жгущая дзевульки громко кричали и махали фонарями, видя, что шапка не приближается. Наконец ее волны вынесло на песок. Поблизавшие люди увидели в шапке огни сгустившейся фигуры, окостенело надвигавшую лесок веслами, и другую, на корме. Эльда приподняла голову Арvida, стала нежно шептать ему что-то и отводила глаза от Юджина, по которому медленно тек красный керосиновый свет фонаря. Потом она подтолкнула Юджина.

Через час Яник и Юджин грести вылезли за бутылкой воды в особые канатая лодки. Эту лодку били высоким и голубоглазым. Когда-то он служил под началом Яника. Эльда ставила греки Арvidу в спальные хозина.

Шторм утих на третий день. Гости попрощались с хозяином, который сам пошел в шапку весла, хлеб, шпик и воду. Рыбаки шли за ливь по

бульжонной дамбе, далеко презаходящей в море. Ветер был свежий, волна веселой, игривой. Вдруг Арвид, ни слова не говоря, повернулся и быстро заплыла назад, к берегу. Все недоуменно оствонились.

— Арвид! — крикнула Эльда, алая на ветру рассыпающейся волсы. Вороник матросской куртки бился вместе с волсами.

— Я забыла! Я сейчас! — ускорила шаги

Арvida. Долго ждал он, потом решил там вернуться.

Балашин, он сидел у дороги. — Что с тобой? — ласково спросила Эльда.

— Мне стало плохо... Я подожду автобуса, так быстрее...

— Я бы тоже вернулась в автобус, но мы не можем бросить шапку! — вспыхнула девушка.

— Меня знобит... Давай останемся! — взмолился Арвид. Эльда осталась. Яник и Юджин взяли на буксир вторую шапку и через день были дома.

Ветером собрался они опять только в день проводов Эльды. Ужинали молча. Было как-то неволок. Яник спросил:

— Надулма остаться?

— Останусь! — ответила Юджин, и снова все замолчали. Потом Эльда ушла в свою комнату и вышла с чемоданом. Яник обнял дочь. Юджин тоже попрощался с модами.

Арвид хлопнула крышкой баглажника, сел за баранку и впервые за все эти дни лично залюма вопросу. Юджин тихо и аккуратно звякала ключом по гайкам велосипеда, словно настраивала скрипку.

Шапки спали, упомянутые морем. Эльда подошла к Юджину.

— Хороший велосипед, — отчего-то вслух, сказала она. На ней было строгое темное платье. На груди роза. Она сияла ее и прищипала на руль велосипеда.

— Садись, прожучу, как раньше... Поминишь?

— Помню... Прокати!

Юджин покрасел от волнения и неволок, словно Эльда была из огни, подсадила ее на раму. Оттолкнулся и поехал.

Яник восторжился. Арвид, страдальчески гянуна на часы, махнула старичу и поехала следом за своей изломанной невестой. Он быстро нагнал велосипеда, но Юджин свернула с дороги на лесную тропинку.

— Эльда! — закричала Арвид и нажал на стартер. Мощные сосы качнулись ему навстречу и прогарадили путь.

А велосипед мялся, мелькая между деревьями, как гонимый пес на охоте.

И я, гостящий у Яника философ, задохнулся от восторга и тут же хотел писать трагикт под заголовком «Велосипед и его преимущество перед автомобилью». Но написал этот рассказ и посвящаю его всем искателям розовых берегов.

Они у нас всегда перед глазами. Надо только видеть. Уметь слушать сердце. Любить тень родного дуба. И рядом с ним посадить ель или березу. Подать руку человеку в беде. Помогать земле в ее трудовой работе.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Я ни знаю, манни был бы год, не оказался в нем апрель...

Ничего нет удивительнее апреля. Да и как может быть иначе, если это сама весна в ее быстролетную, интуитивную, неуправляемую пору, если каждый раз она как бы приходит обновленной! И оттого так удивительны ее светлое небо и открытая жизни земля, речные разливы и прозрачные леса, мягкие дороги и свежее, возмущающее запахи, занесенные невеселым ветерком.

Все удивительно в апреле, но самое удивительное — зори. Эти зори — утренняя и вечерняя — чудо весны. И обе они ее загадка и разгадка.

Апрельский день обычно теплый и беззаботен. Солнечно, и снег, который еще держится в лесу, по склонам оврагов, тает и сбегаает ручьями. Нурится пригретая земля, а воздух пропитан теплой сыростью, затуманивающей даль. И, как всегда в апреле, настроение немного шаловливое.

Чем ближе день склоняется и вечеру, тем больше захватывает счастливым беспокойство в предчувствии встречи с зарей. Вот уже солнце низко, и диск его тает в весеннем мареве. А день словно и не собирается кончаться. И лес и поля говорят и не наговорится веселой шороховатой талых вод, гомоном птиц.

Но вот как-то спойкою и беспредельно солнце заходит, зари — преобразование природы. Обычная она делает необычным, привычное — таинственным. На исходе солнца смолкнет лес, тихое угасающее разольется в наступившей тишине, и тогда, в сумеречный час, внезапно станет скрытое нежданно, весенняя мажора природы: ведь короток ее зоревое час.

А как удивительны зоревые голоса! Новым, неслышимым дном голоса залукачат вонкут. Расплывутся птицы и будут петь до темноты, когда разом, как по сигналу, смолкнет лес до новой зари. Такую чудо зорь. Днем на лесной дороге рычат мотыль, хохлат телега, раздавались голоса людей. А сейчас рассыпаются трельями дрозды, бросаясь с огромной высоты вниз и распущая хвостовые перья, отчето получается странный, необычный звук. Тонует бесна. Через дорогу в осиннике тя-

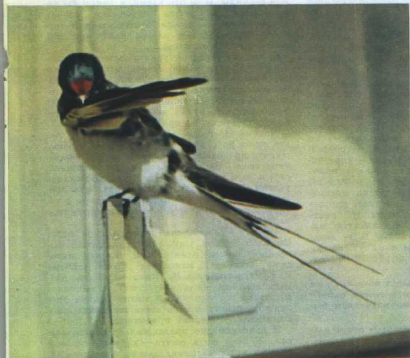

Он идет по раскисшим дорогам, по джамб и клочьям последнего снега навстречу своему охотничьему счастью.

Его первая прозвучка.

Сейчас он ничего не видит и не слышит, охваченный зоревоей весенней страстью.

СКИЕ ЗОРИ

Первая ласточка весны не делает, но все же она — ее вестник.

Весной все лягушки голубые.

Большая радость увидеть восход солнца в весеннем лесу.

ЛЕТАЮЩИМИ ПЕРЕЖИМКАМИ

Фото А. БУРДУКОВА

ред собой Николай. Ее можно было назвать фантастической. Но Николай верил в успех

и намечал даже время установления рекорда — в октябре в Кайро на очередном чемпионате мира, где только (да еще на больших международных турнирах) и фиксируются мировые достижения.

...К кайроскому чемпионату Николай Дурнев был готове полностью. В соревновании на звание «международного мастера», проводившихся, как обычно, перед чемпионатом, убедился в этом. Все шло как по маслу. Действования четко, уверенно. «Как механика», — говорил кто-то. Но в то-то и дело, что Николай действовал не как автомат или робот, а как думающий спортсмен. Надо было исключить возможность какой бы то ни было случайности. И Николай «подогнал» свою искусство и кайроскую обстановку, камуфляж, резку.

И вот наступил день начала соревнований. Да, только начала, потому что стрельман в круглом спектре предстояло выступить три дня подряд. Вначале каждый из них должен был «приврать» по 200 мишеней, шедших в счет команды, а затем еще 200 — личных. Словом, настоящий стрелковый марафон... Стрелять на кайроском спектре было нелегко. Сосем рядом — древние пирамиды. Вперед — желтый песок. Он лежит до самого горизонта, а там, далеко-далеко, сливается с серо-голубым небом. Фон отключен, и только чуточку более удаленной, чем на самом деле, кажется мишень.

Стояли невероятно жаркие дни. Пить хотелось непрерывно. Но Николай знал: вода между не утолит. Стоит один раз понуть, и тогда в ходе стрельбы будешь думать не о мишенях и соперниках, а о драгоценной влаге. И прошил рекорд! Чтобы забавиться от жары, Николай вынул крошечную чашечку кофе. И все. Но это было лучше, чем выпить в себя бочку воды. Раз за разом поднимал

он ружье, и одна за другой разлетались тарелочки на мелкие куски...

А вечером, чтобы отвлечься от борьбы и не растерять душевных сил до момента выступления, Николай долго бродил по городу, знакомился с его жизнью. Неполноценный впечатлительный, он крепко уснул. И оттого утром перед продолжением турнира он опять был бодрим и свежим.

Первый и второй день принесли одинаковый результат: 75 из 75. И так же бродил вечером по Каиру этот большой, очень сильный даже на вид человек. А внутри он опять был готов к борьбе и уверен в себе. И вновь разбивал все мишени удрябками...

190 из 190. Это уже победа! Никто не сможет уже настичь Николая. И в голове проносилась мысль: «Теперь можно и провалиться». Но он и провалиться. Вот она перед глазами, заветная цифра «200». Это было как наказание. Николай видел только эту цифру, нависшую в небе огненным позолотом. Он не нашел бы сейчас мишень. Все заслоняла эта завораживающая цифра «200». Только огромным усилием воли Николай сумел отвести от нее взгляд. И как рукой силой! Но для верности он повернулся к трепору и спавал, удаляясь:

В твою честь!
Спокойно попроси последнюю мишень, он уверенно вскинул ружье и точно поразил тарелочку.

Тут же сорвался с места один из стрелков. Нашел осколок последней мишени, принес и сает Николаю:

— Возьми сувенир.

Это был действительно памятный осколок. Символ абсолютного мирового рекорда: 200 из 200!

...А сейчас у Дурнева новые планы. В первую голову — повышение мастерства. «Зачем? — спросите вы. — Ведь большого, чем он, сделать нельзя?» Сейчас действительно нельзя. Но кто знает, кто провидит ее дальнейшим? Возможно, будет увеличена сложность полета мишеней или дальность их забора. Возможно, будут уменьшены тарелочки... Пока же надо сохранить для страны абсолютный рекорд. И Николай Дурнев продолжает тренироваться. Это приходится делать даже революционному из рекордсменом. Конечно, если он хочет им остаться!

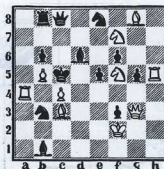
Задача № 3

Мат в три хода (2 балла)

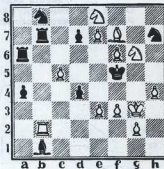
Задача № 5

Мат в четыре хода (2 балла)

Задача № 7

Во сколько ходов белые быстрее всего могут дать мат неприятельскому королю? (3 балла)

Этюд № 2
Ничья (2 балла)

Задача № 4

Мат в три хода (2 балла)

Задача № 6

Мат в четыре хода (2 балла)

Этюд № 1

Вингрис (2 балла)

Этюд № 3

Ход белых. Навес будет результат борьбы в этюдной позиции при наилучшей игре обеих партнеров? (3 балла)

ВЕСЕННИЕ ЗАВОТЫ

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА

Р. КИРЕЕВ

В Заречном районе, что в области А., на днях прокатилась отвадная колдунья. Была предарительно в плане знакомом Работу проведена местным райкомом. И сто комсомольцев

Отправились смело, без всяких прогнозов На жительство в пять отстающих колхозов

Района Межречного, в области Б. С оркестром, конечно, ребят провожали, И митинг, как водится, был на вокзале. В дороге, конечно, все пели на совесть, Несметные чувства силы в себе, И вскорости прибыл на станцию поезд Района Межречного, области Б.

Здесь тщательно, видно, готовились и встречей: Звучали здесь музыка, песни и речи. Но что это!

Поезд замечен едва ли! Никто никакого замечания не имел. Ошибка, наверное! Их не узнали! А может быть, это встречают другие!

Но все объяснил машинист паровоза:

«Ребят провожают. Забота видна! Они в отстающие едут колхозы Района Заречного, области А.»

Рисунок Р. ОВВЛЯНА

Первая страница обложки: Таян Кочвалова — старшая пионервожатая 52-й московской школы-интерната. Если вы захотите узнать, какую «воспитательную технологию» использует Таян, откройте 10-ю страницу журнала.

Фото М. МУРАЗОВА

Рисунки болгарского художника И. САРИЛИЕВА для КЛШ

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Номмутатор Б 1-76-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; очерки и публицистика — доб. 3-52; международной линии — доб. 2-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; сатиры и юмора — доб. 4-78; левком — доб. 2-33; науки и техники — Б 7-66-66; информация — Б 7-65-82; оформление — Б 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Е. И. Рабчиков, В. И. Самохин [заместитель главного редактора], А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Будкина.

Ф.—00019. Подписано и печатно 5/IV—63 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 689.
Заказ № 678. Формат бумаги 70х108/16,
2 б. л.—5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24

Дешевый костюм

Старинная легенда рассказывает о богаче, который задумал шить себе костюм, но хотел найти такого портного, который взял бы за пошив поменьше денег. Наконец богач нашел такого мастера, который не требовал никакой оплаты ни за материал, ни за пошив, а попросил лишь оплатить пуговицы. Всего на костюм было 34 пуговицы. Условие мастер оставила такое: за первую пуговицу заказчик уплачивает 1 копейку, за вторую — 2, за третью — 4, а за каждую последующую — вдвое больше, чем за предыдущую. Богач с радостью согласился с таким условием. Но когда костюм был готов и портной представил счет, то заказчик пришел в отчаяние. Почему?

На эскалаторе метро

Стоя неподвижно на ступени эскалатора метро, человек поднимается с платформы на поверхность за одну минуту. Тот же человек, избегая по ступени неподвижного эскалатора, доберется до верха за 50 секунд. За какое время поднимется человек на поверхность, если начнет взбираться по движущемуся эскалатору?

Как расположить монеты!

Попробуйте расположить 10 монет в 5 рядов так, чтобы в каждом ряду было по 3 монеты. Потом отложите в сторону одну монету и оставшиеся разложите в 8 рядов, чтобы в каждом ряду было по три монеты.

Четыре разновеса

Из куска железа весом в 400 граммов нужно сделать четыре гирины так, чтобы с их помощью можно было бы взвешивать предметы в 10, 20, 30, 40, 50 и т. д. (до 400 граммов). Какой вес должен быть у каждой гирины?

В сквозном колодце

Вообразите, что центр Земли пролет сквозной колодец и вы имели неосторожность упасть в эту бездонную шахту. Вообразите также, что воздух не сопротивляется вашему падению. Следовательно, вы будете лететь с возрастающей скоростью. Но до каких пор?

Эрот и музы

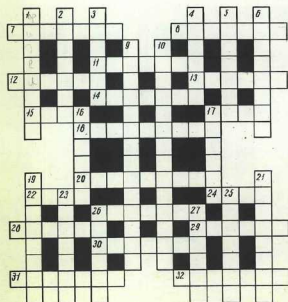
Видя, что плачет Эрот, Киприда его вопрошает: «Что так тебя огорчило, ответстуй неведома!»
«Яблок я нес с Геликона немало, — Эрот отвечает. — Музы, отнюль ни возьмись, напали на Частые двенадцати в миг зааварела Зетерпа, а Иллио Платую дело азала, Талии — долю восьмую. С частью двадцати ушла Меланопина Четверть азала Терпикора. С частью седьюмо Эрот стремглаз от мелодии двадцати не убавила. Тридцать плодов утатица Полигиминия, Счастие и двадцать Вязты Ураиний. Триста плодов унесла Малиюна. Я возвращаюсь домой почти что с пустыми руками: Только полсотни плодов мне оставили музы на долю».
Спрашивается: сколько яблок было у Эро-та?

Две овцы

На поляне стояли две овцы. Одна смотрела точно на юг, другая точно на север. Между ними овцы видят друг друга, но поворачивать головы!

Сколько лет Ване!

Когда Ваню спросили, сколько ему лет, он подумал и ответил: «Я второе поколение палмы, но зато второе старше брата Серенки». А маленький Серенка подбежал и объяснил, что папа старше его на 40 лет. Сколько лет Ване?

К Р О С С В О Р Д

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ

По горизонтали:

- Кубинский орнамент, вступивший в Советском Союзе.
- Песня первых лет Октябрьской революции.
- Полудинная русская башенка.
- Молодое африканское государство.
- Равноценное яблоко.
- Советский таджикский писатель.
- Город на Северном Кавказе.
- Аппарат, в котором автоматически поддерживается определенная степень нагрева или охлаждения.
- Озеро в Эфиопии, из которого

- вытекает Голубой Нил.
- Орган власти в Польской Народной Республике.
- Советский мастер смычковых инструментов.
- Ученый и общественный деятель Чехословакии.
- Молодой промышленный город Казахстана.
- Национальный музыкальный инструмент.
- Столица государства в Азии.

По вертикали:

- Опера Р. Вагнера.
- Патриный подарок.
- Южное созвездие.
- Персонаж оперы М. П. Мусоргского «Сле-

- рочинский армяк.
- Птица.
- Валет Л. Дельба.
- Прибор для воспроизведения речи, музыки с механической записки.
- Зонтичное растение.
- Голландский философ XVII века.
- Посредини, судья.
- Документ об окончании учебного заведения.
- Горный хребет в Киргизии.
- Кораль.
- Участовавший в первой русской кругосветной экспедиции.
- Советский парашютист, мировой рекордсмен в прыжках на стратосфере.
- Порт в Балтийском море.
- Английская спортивная игра.

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

С большим упорством и настойчивостью готовятся советские спортсмены к предстоящим в будущем году в Японии XVIII Олимпийским играм. Особенно напряженно тренируются гребцы: ведь начавшийся летний спортивный сезон для них — последний перед олимпийскими стартами. И как только весеннее солнце растопило лед на реках и озерах, легкие, стремительные «скифы», байдарки, каноэ вышли на водную гладь. На прошлой Олимпиаде в Риме советские гребцы добились замечательного успеха: и в академической гребле и на байдарках они завоевали первые места. Наши спортсмены: В. Иванов, В. Борейко, О. Голованов, А. Середина, М. Шубина, С. Макаренко и Л. Гейштор стали обладателями золотых медалей. Теперь перед ними стоит задача — удариать эти почтенные титулы. Но прежде чем получить билет в Токио, прославленным мастерам предстоит выдержать серьезную конкуренцию со стороны молодых спортсменов, тоже мечтающих попасть в олимпийскую сборную. Соревнования последнего предолимпийского лета выявят сильнейших. А пока — тренировки, тренировки, тренировки...

Фото В. КИВРИНА

